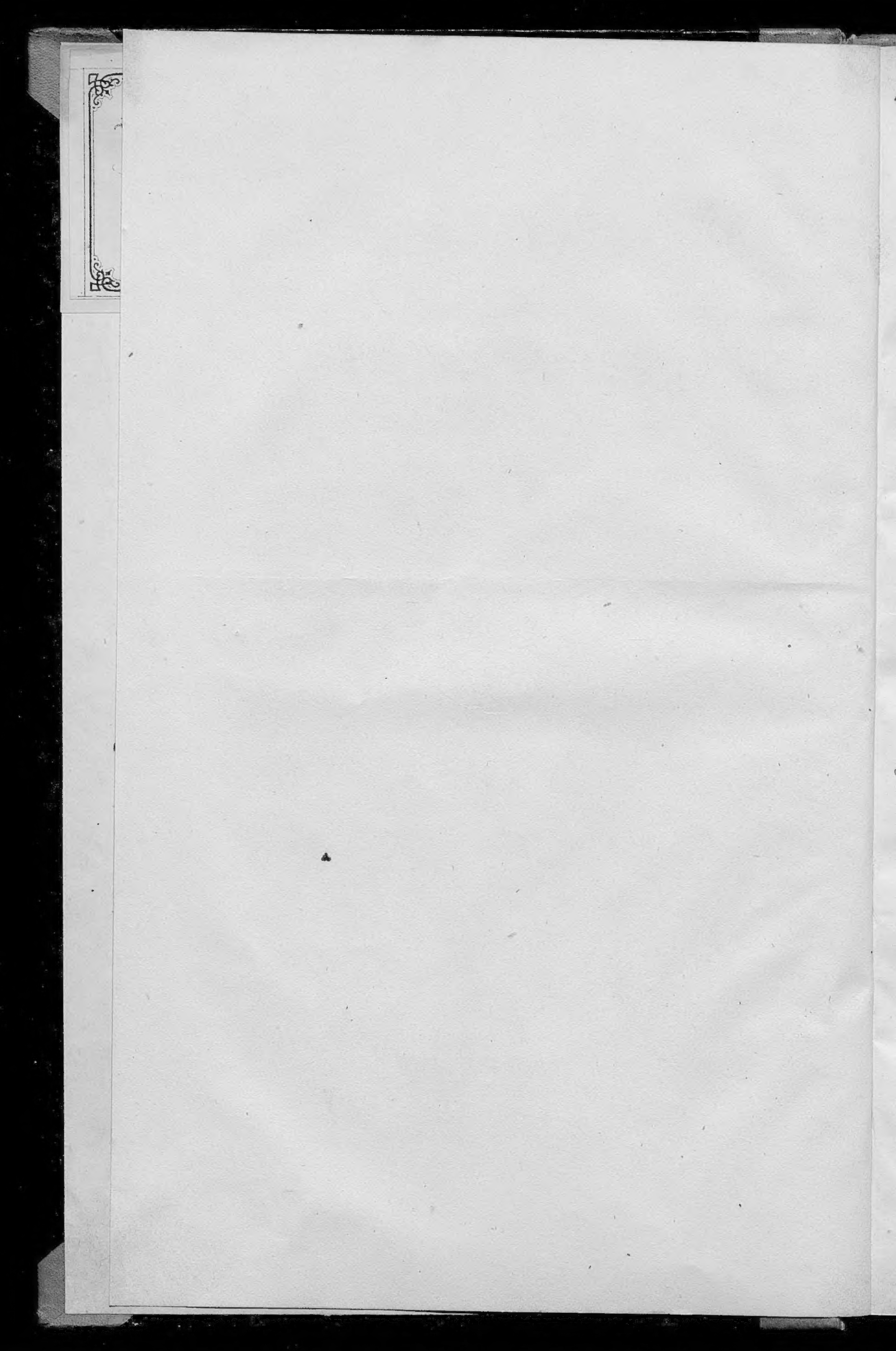

Ист.
549.

ЛЮБЛИНСКАЯ УНІЯ

или

ПОСЛѢДНЕЕ СОЕДИНЕНІЕ ЛИТОВСКАГО КНЯЖЕСТВА

съ

ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕВСТВОМЪ

НА ЛЮБЛИНСКОМЪ СЕЙМѢ

въ **1569** году.

—

СОЧИНЕНІЕ М. КОЯЛОВИЧА.

Изданіе редакціи газеты — Русскій Инвалидъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1863.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ. 10-го Августа 1863 года.

Печатано въ Военной Типографіи.

О люблинской уніи я писалъ статью въ 1861 году, которая помѣщена въ газетѣ «День» за первый годъ, въ №№ 10, 11 и 12. Въ то время я могъ основать мой разсказъ объ этомъ событіи почти единственно на Дневникѣ люблинскаго сейма, изданномъ въ 1856 г. Дзялынскимъ въ третьей части предположеннаго имъ изданія — Zrzodłopisma do dziejow unij (источники, относящіеся къ событіямъ (гражданскаго) соединенія Литвы съ Польшей), и даже изъ этого единственнаго тогда прямаго источника могъ привести въ газетной статьѣ очень немногія мѣста. Въ настоящее время, имѣю возможность пополнить мой прежній разсказъ и не только изъ Дневника, изданнаго Дзялынскимъ, но и изъ новаго Дневника люблинскаго сейма, найденнаго недавно въ двухъ экземплярахъ,—одинъ XVI вѣка въ собраніи рукописей Публичной Библіотеки, другой — позднѣйшая его копія—въ собраніи рукописей Библіотеки Генеральнаго штаба. Новый Дневникъ люблинскаго сейма, такъ же, какъ и Дзялынскаго, составленъ полякомъ, но очень отличенъ отъ него и заключаетъ въ себѣ много совершенно новыхъ извѣстій объ этомъ событіи, пропущенныхъ въ Дневникѣ Дзялынскаго; какъ, напримѣръ — Литовскій проектъ соединенія Литвы съ Польшей, вопросъ о вѣрѣ, объ отношеніи литовскихъ бояръ къ своимъ аристократамъ, борьба съ поляками малороссовъ, изъ-за Кіева

послѣдняя борьба литовцевъ съ поляками передъ самымъ актомъ уніи и много рѣчей, пропущенныхъ или измѣненныхъ у Дзялынскаго.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ я надѣюсь приготовить къ изданію съ надлежащими поясненіями и переводомъ на русскій языкъ къ будущему году. Теперь беру изъ него важнѣйшіе факты.

Musiałoby to nas abo wnuki nasze bolec, żeby musieli patrzeć na te sprawy dzisieysze (актъ унія) miasto radości, bardzo żałośliwi być, abo nas winować żeśmy takiego zniewolenia swego niewidzieli *. Слова изъ рѣчи къ королю старосты жмудскаго отъ лица всѣхъ литовцевъ въ день акта Люблинской уніи Zrzodłop. do dziejow unij Lubelsk. Изд. Дзялынскаго, т. 3, стр. 185.

Событіе, о которомъ мы намѣрены говорить, такъ важно въ исторіи Литвы и Польши и въ современномъ, можно сказать, общеевропейскомъ сознаніи, а между тѣмъ, такъ искажено въ польской исторической литературѣ и въ общественномъ мнѣніи настоящаго времени, что мы считаемъ дѣломъ совѣсти и гуманности приступить къ изслѣдованію его со всею внимательностію и осторожностію. Это поставляетъ насъ въ необходимость вникнуть въ исторію союза Литвы съ Польшей до Люблинской уніи и представить въ возможной краткости его существенные основы и результаты.

Почти ровно два столѣтія (безъ семнадцати лѣтъ) прошло отъ перваго соединенія Литвы ** съ Польшей при ли-

---

* Больно было бы намъ или внукамъ нашимъ, еслибы пришлось смотрѣть на сегодняшнія дѣла (актъ уніи) вмѣсто радости, съ большимъ сожалѣніемъ или осуждать насъ въ томъ, что мы не видѣли такого порабощенія нашего.

** Подъ словомъ Литва мы почти вездѣ будемъ разумѣть Литовское княжество, т. е. будемъ употреблять это слово въ историческомъ смыслѣ, а когда намъ придется употреблять его иногда въ этнографическомъ смыслѣ, мы будемъ употреблять выраженіе — собственно Литва.

товскомъ князѣ Ягеллѣ въ 1386 г., до послѣдняго люблинскаго соединенія или лучше сказать слитія ихъ въ 1569 г. при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ. Два столѣтія времени нужно было на то, чтобы эти два государства слились въ одно. Медленность очень странная. Польскіе историки, а тѣмъ болѣе современные литераторы мало обращаютъ вниманія на эту странность. Понятно, почему. Принято не признавать различія между Литвою и Польшей, принято игнорировать внутреннія отношенія между ними, отношенія полныя жизни и борьбы. Раскрытію этой жизни и борьбы противорѣчатъ политическія польскія стремленія, такъ могущественно дѣйствующія на добросовѣстность даже лучшихъ польскихъ людей. Такимъ образомъ утвердилось невѣдѣніе важнѣйшей стороны литовско-польской исторіи и дошло до поразительной наивности. Оттого и высказанное немногими польскими писателями объясненіе медленности слитія Литвы съ Польшей носитъ на себѣ ясные признаки самой дѣтской свѣжести. Они говорятъ: отъ того это слитіе было медленное, что совершалось добровольно, естественно, само собою. Этотъ буколическій взглядъ на вещи предполагаетъ, что въ то время, какъ государства, окружавшія Литву и Польшу именно: Турція, Венгрія, Чехія, Австрія, Прусскій и Ливонскій ордены, Россія и Татары рѣшали кровавыми распрями историческій вопросъ, кому и какъ существовать, Литва и Польша жили среди этихъ распрей въ блаженномъ мирѣ, въ полной увѣренности, что созданы другъ для друга и потому могутъ оставаться, сколько угодно времени, даже два столѣтія, въ совершенной беззаботности о своемъ народномъ и государственномъ единствѣ. Здравый смыслъ не можетъ допустить такихъ идиллій. Здравый смыслъ, напротивъ, заставляетъ предположить какъ неизбѣжное, что были препятствія къ соединенію Литвы съ Польшей и даже очень сильныя, если могли про-

жить два столѣтія (а мы увидимъ, что они прожили до настоящаго времени); что были какіе бы то ни было элементы, раздѣлявшіе Литву и Польшу, и очень живучіе, если могли задерживать такъ долго ихъ соединеніе. Это логика фактовъ, которой покорится человѣкъ, вовсе незнающій того, что дѣйствительно были такого рода элементы, рѣзко отдѣлявшіе Литву отъ Польши, что эти элементы долгое время не уступали напряженнѣйшимъ усиліямъ уничтожить ихъ и не уступили сами собою, а были задавлены, коварствомъ и внѣшнею силою даже при Люблинскомъ соединеніи, спустя два вѣка послѣ перваго соединенія, при осьмомъ уже поколѣніи тѣхъ литовцевъ, которымъ пришлось въ первый разъ протянуть полякамъ руку для злосчастнаго союза съ ними!!...

Чтобы видѣть со всею ясностію эти отличительные элементы Литвы, эти естественныя, неизбѣжныя антипатіи ея къ Польшѣ и какъ результатъ ихъ—постоянное противодѣйствіе ея слитію въ одно государство, въ одинъ народъ; для этого нужно хоть немного отрѣшиться отъ установившихся воззрѣній польскихъ, хоть на минуту перестать вѣрить въ непогрѣшимость польскихъ писателей и хоть немного имѣть честности—видѣть въ памятникахъ то, что въ нихъ есть. Тутъ бездна фактовъ, очевиднѣйшихъ, неопровержимыхъ, но скрытыхъ или искаженныхъ въ польскихъ сочиненіяхъ.

Соединеніе Литвы съ Польшей какъ при Ягеллѣ, такъ во всѣ времена его существованія было дѣломъ прежде всего географическихъ условій Литвы. Открытая со всѣхъ сторонъ, обремененная русскими областями, въ сосѣдствѣ постепенно усиливавшагося московскаго государства, въ сосѣдствѣ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, этихъ варваровъ средневѣковаго латинства, въ сосѣдствѣ наконецъ природныхъ варваровъ крымскихъ татаръ и турокъ, не говоримъ

уже о сосѣдствѣ Польши, Литва могла сохранить свою самостоятельность развѣ при непрерывномъ, необычайномъ складѣ историческихъ обстоятельствъ, а безъ этого склада должна была непремѣнно примкнуть къ кому либо изъ сосѣдей. Неудивительно, что при такомъ положенiи Литвы, союзъ ея съ Польшей рѣшила такая случайность, какъ существованiе въ Польскомъ королевствѣ царственной невѣсты, которой нужно было прiискать выгоднаго жениха. Затѣмъ, союзъ этотъ былъ дѣломъ личныхъ интересовъ правителей Литвы, которымъ лестно было занимать два престола. Къ этому присоединялся разсчетъ мелкихъ литовскихъ князей и вельможъ, надѣявшихся быть самостоятельнѣе въ своей странѣ, когда ихъ князь будетъ занятъ дѣлами Польши. Наконецъ, это соединенiе вызвало современемъ и поддерживало, какъ увидимъ, сословные интересы средняго сословiя въ Литовскомъ княжествѣ. Вотъ все, что вело Литву къ Польшѣ. Этими только звѣньями скрѣплялась и держалась со стороны Литвы цѣпь, приковывавшая ее къ Польшѣ, а не силою народныхъ симпатiй ея къ Польшѣ и тѣмъ менѣе силою нацiональнаго единства, котораго никогда не было и нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ литовское княжество и польское королевство.

Для потѣхи или по разсчету на невѣжество читателей, конечно, можно писать что угодно о единствѣ народовъ, населявшихъ и теперь населяющихъ Литву и Польшу; но все это такъ-таки и остается потѣхою или глумленiемъ надъ правдою, а наука и жизнь всегда будутъ твердить, что населенiе Литвы и Польши съ незапамятныхъ временъ рѣзко различается въ своихъ группахъ по нацiональнымъ особенностямъ и допустятъ только одно, что оно общей съ поляками расы славянской и то далеко не все.

Страна, составлявшая великое княжество литовское насе-

лена была съ древнѣйшихъ временъ, какъ и теперь, слѣдующими отдѣльными группами:

1) Кореннымъ, не очень многочисленнымъ народомъ собственно *литовскимъ,* который и теперь живетъ въ Ковенской, Августовской губерніи, въ восточной Пруссіи, а частію также въ Виленской и кое-гдѣ въ Гродненской губерніи. Народъ этотъ совершенно отличенъ и отъ поляковъ и отъ русскихъ, имѣетъ свой языкъ, непонятный имъ и и не понимаетъ ихъ языка;

и 2) Огромной массой *западно-русскихъ славянъ— малороссами,* населяющими теперь губерніи Кіевскую, Подольскую, Волынскую, часть Гродненской, Люблинскую, восточную Галицію и нѣсколько губерній на восточной сторонѣ Днѣпра,—и *бѣлоруссами,* населяющими теперь Минскую губернію, большую часть Гродненской, Виленской, Витебскую, Могилевскую, часть Смоленской и Псковской. Оба эти племена вышли изъ группы восточно-русскихъ славянскихъ племенъ и до татарскаго ига составляли съ ними одинъ народъ и одно государство или же удѣлы одной династіи. Память объ этомъ единствѣ, они сохранили и въ своихъ симпатіяхъ къ восточно-русскому народу и въ коренномъ единствѣ съ нимъ своего языка, обычаевъ и вѣрованій и въ своихъ мѣстныхъ названіяхъ—бѣлоруссъ, малороссъ или украинецъ; даже большинство ихъ съ древнѣйшихъ временъ называетъ себя русскими *.

* Поляки часто говорятъ, что жители Западной Россіи называютъ себя русскими въ смыслѣ государственномъ и религіозномъ, т. е. русскіе подданные, русскіе по вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что они такъ называютъ себя и въ этихъ смыслахъ, но утверждать, что только въ этихъ значеніяхъ они употребляютъ это названіе, а не въ смыслѣ народности—значитъ смѣяться надъ безчисленными памятниками временъ польской власти въ этой странѣ, въ которыхъ вездѣ жители Западной Россіи называются русскими.

Отношенія между этими двумя половинами Литовскаго княжества временъ Ягеллы, между литовцами и западно-русскими славянами были такого рода. Западно-русскіе славяне—малороссы и особенно бѣлоруссы путемъ незапамятныхъ историческихъ сношеній и путемъ общей съ литовцами политической жизни со временъ татарскаго ига (XIII в.), передали всему образованному по тогдашнему сословію литовцевъ свой языкъ, свои религіозныя православныя убѣжденія, многіе нравы своей жизни до того, что во время соединенія Литвы съ Польшей (1386 г.) при Ягеллѣ и во все время этого соединенія, Литовское княжество скорѣе и вѣрнѣе можно было назвать русскимъ, чѣмъ литовскимъ *. Литовское племя занимало въ литовскомъ княжествѣ, положеніе похожее на положеніе русскихъ варяговъ въ Россіи временъ, напримѣръ, Владиміра или Ярослава,—княжило, управляло, воевало, но болѣе и болѣе подчинялось стихіямъ русской народности, а постоянныя родственныя связи литовскаго княжескаго рода съ русскимъ княжескимъ родомъ явно вели къ тому, чтобы народная и религіозная связь Западной Россіи съ Восточной возстановилась современемъ и въ государственномъ единствѣ,—въ единствѣ правящей династіи. Ягелло, женившись на польской королевнѣ и соединивъ Литву съ Польшей, измѣнилъ это направленіе литовской исторіи и повелъ литовское княжество, почти все *русское* и *православное*, къ пересозданію сверху до низу *въ польскую* и *латинскую* націю. Само собою разумѣется, что такая работа—пересозданіе народности и вѣры, даже двухъ народностей (русской и литовской) и двухъ вѣръ (православной и языче-

* Литовскій элементъ народный и религіозный (языческій) сохранялся чистымъ только въ Жмуди (нынѣшней Ковенской губерніи) и части Виленской губерніи.

ской) далеко не могла быть такою легкою и скорою, какъ предполагаютъ польскіе писатели. Но кромѣ народности въ строгомъ смыслѣ, и вѣры, пересозданіе это требовало еще новаго труда, захватывало еще новую сферу литовской жизни, увеличившую еще болѣе трудную работу. Это—особенности политическаго и общественнаго склада въ литовскомъ княжествѣ, которымъ тоже предстояло пересоздаться.

Въ Литовскомъ княжествѣ правленіе было монархическое съ значительными задатками самодержавія и династія была наслѣдственная; въ Польшѣ—правленіе республиканское съ оригинальностію королевской власти, избирательной, т. е. не привязанной прочно къ одной династіи. Совмѣстить такія особенности было мудрено, особенно потому, что для этого необходимо было или Польшѣ отказаться отъ избирательной своей системы правленія или литовскимъ князьямъ отъ своей наслѣдственности,—дилемма, какъ очевидно, не легко разрѣшимая.

Въ Литовскомъ княжествѣ былъ наслѣдственный аристократизмъ почти весь княжескаго рода — литовскаго или русскаго; въ Польскомъ королевствѣ—аристократизмъ естественный, хотя и невыработанный. Легко ли они сливаются даже въ одномъ и томъ же народѣ — на это исторія народовъ затрудняется отвѣчать утвердительно.

Въ Литвѣ между аристократіей и простымъ народомъ былъ многочисленный средній классъ, такъ называемое литовское боярство, которое, примыкая нечувствительно съ одной стороны къ аристократіи, а съ другой къ простому народу, давало возможность этому послѣднему быть свободнымъ классомъ земледѣльцевъ; въ Польшѣ аристократизмъ исчезалъ въ шляхетствѣ, которое сосредоточивало въ себѣ всѣ права, всѣ блага жизни и на столько возвышалась надъ крестьянствомъ, что по строгой логикѣ польской конституціи этому послѣднему могло быть одно положеніе —

рабство. Такимъ образомъ, соединеніе Литвы съ Польшей требовало, чтобы литовская аристократія потеряла свое значеніе, и чтобы литовское крестьянство перешло въ польское хлопство. Очевидно, что такая перспектива будущаго не могла вызывать желанія сблизиться побольше съ Польшей ни въ литовской аристократіи, ни тѣмъ менѣе въ литовско-русскомъ крестьянствѣ. Подобное желаніе могло быть естественнѣе на польской сторонѣ, что мы и видимъ во всю исторію соединенія Литвы съ Польшей. Въ Литвѣ только въ одномъ сословіи могло быть желаніе сближенія съ Польшей — это въ упомянутомъ нами литовскомъ боярствѣ. При слитіи Литвы съ Польшей оно должно было уравняться съ польскимъ шляхетствомъ, сразу стать на одну ногу съ своей аристократіей, но сразу также оторваться отъ простаго народа къ неизмѣримому его несчастію и къ несчастію всего своего отечества, т. е. и къ своему собственному несчастію.

Вотъ краткій и, надѣемся, безпристрастный очеркъ отличныхъ, особыхъ началъ исторической жизни Литвы и Польши. Изъ него, полагаемъ, ясно можно видѣть, въ какой формѣ могъ существовать союзъ Литвы съ Польшей. Онъ могъ существовать только какъ внѣшній союзъ безъ внутренняго объединенія, напримѣръ въ формѣ одной династіи для обоихъ государствъ и общей защитѣ отъ внѣшняго врага, какъ и дѣйствительно существовалъ съ бѣдой пополамъ до самой Люблинской уніи. Въ такомъ видѣ онъ, конечно, не былъ бы прочнымъ союзомъ и могъ бы разрушиться отъ самыхъ случайныхъ причинъ; но мы не знали бы тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождалось разложеніе слившихся въ одно государство Литвы и Польши и какія мы видимъ теперь въ безнадежнѣйшихъ попыткахъ къ возстановленію этого единенія, такъ жестоко осужденнаго исторіей.

Но если теперь поляки не видятъ безплодности и вреда своихъ усилій, то легко ли можно было видѣть будущее зло,— видѣть тогда, въ тѣ старыя времена, когда смѣнялись на литовско-польскомъ престолѣ потомки Ольгерда отъ Ягеллы до Сигизмунда-Августа! Впрочемъ, какъ въ настоящемъ времени, такъ и въ тогдашнихъ мы не можемъ приписывать всего невѣдѣнію. Справедливѣе будетъ видѣть во всемъ союзѣ Литвы съ Польшей опасную игру въ историческую жизнь и какую-то роковую безпомощность бросить эту игру, выйти изъ нея умно и честно.

Когда соединялась Литва съ Польшей въ 1386 г., то Ягелло, литовскіе вельможи и польскіе паны гораздо больше были заняты торжественными церемоніями вѣнчанія королевско-княжеской четы и гостепріимными встрѣчами поѣзжанъ изъ двухъ народовъ, нежели глубокомысленными соображеніями о томъ, какъ соединятся два государства въ одно. Серьезными дѣлами занимались тогда собственно латинскіе патеры, принявшіеся усердно крестить Литву и этимъ занятіемъ доставлявшіе государственнымъ людямъ цѣлый рядъ новыхъ празднествъ, торжествъ, по случаю обращенія невѣрныхъ. Брачный пиръ, начавшись въ Краковѣ тоже не безъ религіозныхъ церемоній, переселился въ Литву, передвигался съ мѣста на мѣсто и возобновлялся среди совершенія таинства крещенія надъ множествомъ язычниковъ и неязычниковъ литовскаго княжества. Въ этихъ дѣлахъ, поляки, руководившіе Ягеллой, явно показали, что опираются на его самодержавіе, котораго сами очень не любили и что во имя этого принципа можно все позволить себѣ въ Литвѣ. Но сейчасъ же оказалось, что не слѣдуетъ ни пировать такъ долго, ни злоупотреблять правами самодержавными. На восточныхъ и юговосточныхъ окраинахъ литовскаго княжества, въ областяхъ Полоцкой, Кіевской и Волынской, т. е. въ болѣе крѣпкихъ странахъ

русскихъ вспыхнули возстанія. Въ самой Литвѣ начались волненія и тѣмъ болѣе опасныя, что нашли поддержку себѣ въ геніяльномъ, двоюродномъ братѣ Ягеллы, Витовтѣ, замышлявшемъ сдать Польшѣ Ягеллу, а самому быть независимымъ литовскимъ княземъ. Ягелло понялъ всю необходимость связать по крѣпче Литву съ Польшей и для этого еще больше опереться на свое самодержавіе. Онъ такъ и сдѣлалъ по отношенію къ русскимъ областямъ, силою задавилъ въ нихъ возстаніе и болѣе опасныя изъ нихъ — Кіевскую и Волынскую взялъ въ свое непосредственное королевское управленіе, т. е. посредствомъ поляковъ. Но поступить также съ Литвою нельзя было. Грозный Витовтъ, опиравшійся на сочувствіе чистыхъ литвиновъ и бѣлоруссовъ, былъ очень страшенъ. Оказалось необходимымъ идти на уступки. За Витовтомъ утверждено личное право управлять Литвою. Литовцы задобрены дарованіемъ польскихъ дворянскихъ гербовъ, польскихъ чиновныхъ названій, дозволеніемъ сеймовъ по образцу польскихъ. Во имя всего этого Литва должна была обѣщать неразрывный союзъ съ Польшей. Этотъ серьезный актъ уніи совершенъ на Городельскомъ сеймѣ въ 1413 году.

Но и теперь игра въ судьбу народную, хотя была уже не шуточная, но такъ же опасна, какъ и прежде. Получивъ польскія преимущества жизни, Литва могла еще больше почувствовать желаніе свободы, независимости и тѣмъ скорѣе порвать союзъ съ Польшей. Такъ это и было при томъ же Витовтѣ, задумавшемъ въ скоромъ времени вѣнчаться королевскимъ вѣнцомъ. Козни латинянъ-поляковъ и неожиданная смерть Витовта разстроили эти затѣи. Впрочемъ, главная причина неудачи скрывалась не въ этихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Литва дѣйствовала врозь съ Русью. По акту Городельскаго сейма польскими преимуществами могли пользоваться только принявшіе латинство,

т. е. почти одни литовцы. Русскіе по этому плохо приставали къ литовцамъ, не смотря на всѣ ласки Витовта. Это обезсилило литовцевъ. Они даже на долго потеряли значеніе, которое теперь мало по малу стало переходить къ населенію западно-русскому. Послѣ жестокаго и безумнаго Свидригелло (1430—1432), только портившаго дѣло русское и послѣ столь же жестокаго и безумнаго Сигизмунда, (1432—1440) подвергавшаго русскій народъ неистовствамъ польской силы, русское племя пріобрѣло себѣ необыкновенное значеніе и перетянуло на свою сторону самого литовско-польскаго короля. Казиміръ, (1440—1492) считаясь польскимъ королемъ, жилъ почти безвыѣздно въ Литвѣ, окружилъ себя русскими князьями и боярами, и пріобрѣлъ такую популярность у русскихъ, что даже Новгородъ сталъ было примыкать къ Литвѣ. При сынѣ Казиміра, Александрѣ (1492—1506) предводитель русскихъ Михаилъ Глинскій такъ завладѣлъ дѣлами Литвы, что когда умеръ Александръ, то возникла серьезная опасность, что Глинскій вступитъ на литовскій княжескій престолъ.

Весь этотъ поворотъ дѣла произвелъ необыкновенно важныя послѣдствія. Затронуты были племенные, сословные и династическіе интересы Литвы. Природные литовцы оскорбились и примкнули къ своему княжескому дому, а русскіе повернули въ рѣшительную сторону, къ Восточной Россіи, къ Іоанну III, вслѣдствіе чего возгорѣлась упорная и долговременная война между Россіей и Литовско-Польскимъ государствомъ *. Для союза Литвы съ Польшей настали времена еще болѣе труд-

* Какъ жаль, что все это время неразработано съ литовской точки зрѣнія. Оно уяснило бы намъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ западно-русской исторіи. Въ ней также мы уяснили бы одну изъ очень важныхъ причинъ быстраго усиленія московскаго князя Іоанна III, около котораго такъ много собралось тогда лучшихъ русскихъ людей изъ Западной Россіи. Къ великому сожалѣнію, въ памятникахъ этого времени многаго недостаетъ.

ныя, чѣмъ во время Городельскаго сейма. Оказалось еще болѣе необходимымъ ласкать собственно Литву и давить русскія области. Литвѣ опять стали давать особыхъ правителей; подтверждены всѣ прежнія права ея самостоятельности; передовые русскіе люди выжиты изъ Кіевской и Волынской области, замѣнены литовцами; мало того, чтобы дать литовцамъ еще больше силы, сдѣланы строгія постановленія о границахъ между Литвою и Польшей и возведенъ въ законъ старый обычай, нарушаемый часто князьями, особенно Ягеллой, чтобы поляки не занимали должностей и даже не селились, какъ частные люди въ Литовскомъ княжествѣ. Могущество литовскаго національнаго элемента достигло апогея. Но общее дѣло Западной Россіи отъ этого не выиграло. Отдѣльный литовскій князь защищавшій права Литвы, дѣлаясь польскимъ королемъ, понималъ вмѣстѣ съ поляками всю ошибку прежняго своего образа дѣйствій и хлопоталъ о скрѣпленіи союза литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ и при этомъ о возвращеніи подъ власть Польши Кіевской и Волынской области. Такъ это было (1499 — 1501) при томъ же Александрѣ, при которомъ имѣлъ такую силу Глинскій. Литовцы всполошились, собрали всѣ свои силы и затармозили это дѣло такъ, что новый актъ соединенія Литвы съ Польшей съ подчиненіемъ послѣдней Кіевской и Волынской области составлялся нѣсколько лѣтъ, подписанъ только немногими литовцами, да и то насильно, и остался безъ исполненія. Но не смотря на то, народное западно-русское дѣло понесло невознаградимую потерю. Русскія области обѣднѣли лучшими людьми, перешедшими въ Россію, иныя области и совсѣмъ отпали отъ Литвы. Народное дѣло осталось на рукахъ однихъ литовцевъ, немногочисленныхъ, значительно ополяченныхъ и олатиненныхъ, слѣдовательно тѣмъ менѣе способныхъ опираться на под-

держку русскаго народа — и въ добавокъ раздраженныхъ сознаніемъ своего безсилія и крайне ревнивыхъ къ своимъ интересамъ. Слитіе Литвы съ Польшей могло теперь легко совершиться, еслибы дольше прожилъ Александръ и еслибы не вступилъ послѣ него на престолъ литовскій такой человѣкъ, какъ Сигизмундъ I, о которомъ литовцы сохранили память, какъ о самомъ народномъ государѣ. Любительно миловалъ Литву, говорили они на сеймѣ черезъ полстолѣтіе послѣ него, тогда какъ имя князя Александра было для нихъ до того ненавистно, что они не могли равнодушно слышать его. Благодаря этой патріотической любви Сигизмунда I къ своей родинѣ, вопросъ о слитіи Литвы съ Польшей и о передачѣ Польшѣ въ непосредственное управленіе Кіевской и Волынской области оставленъ, и Литвѣ вскорѣ опять данъ новый правитель, сынъ короля Сигизмунда—Августъ. Въ отмщеніе за это поляки заставили Сигизмунда отца утвердить, какъ законъ, польское право избирать себѣ короля, возвести въ законъ польскую избирательную систему, столь гибельную для этого государства, но по тогдашнимъ взглядамъ способную сдѣлать литовскихъ князей очень податливыми Польшѣ изъ боязни потерять для своего потомства польскую корону. Вопросъ о союзѣ Литвы съ Польшей подвигался къ окончательному разрѣшенію и ясно было, что это разрѣшеніе идетъ не къ скрѣпленію его, а, напротивъ, къ совершенному разрыву. При сынѣ Сигизмунда I, Сигизмундѣ-Августѣ, уже трудно было обманываться на этотъ счетъ. Сынъ пошелъ дальше отца, полюбилъ Литву тѣмъ сильнѣе, что полюбилъ страстно знатную и прекрасную литовку того времени, дочь князя Радзивилла, Варвару. Между тѣмъ, въ тоже время въ Литвѣ и въ Польшѣ совершался страшный внутренній переворотъ, который нигдѣ не совершался безъ государственныхъ потрясеній. Мы говоримъ о протестан-

ствѣ, разлившемся, какъ море, въ соединенномъ государствѣ и въ особенности въ Литвѣ. Вмѣстѣ съ протестантствомъ стало развиваться въ Литвѣ еще болѣе прежняго сознаніе свободы и независимости. Народныя литовскія силы воспрянули на развалинахъ латинства. Къ нимъ, обновленнымъ новою вѣрою, имѣвшею тогда обманчивые признаки вселенской вѣры, понеслись симпатіи литовско-русскаго народа, а надъ тѣми и другими возвышалась любовь и гуманность Сигизмунда-Августа. Быстро сыпались привиллегіи всѣмъ иновѣрцамъ, возстановлялись государственныя права Литвы, вырабатывался новый статутъ литовскій, въ который вносились разныя постановленія, узаконявшія отдѣльность Литвы отъ Польши. Литовцы стали хлопотать, какъ бы выманить изъ Польши королевскую корону, которая въ старые годы приготовлена была для Витовта, да никакъ не могла дойти до головы его. Но и это обаяніе литовскихъ надеждъ было не долговременное.

Свобода оказалась слишкомъ непривычною для людей, вѣка страдавшихъ отъ разнаго рода деспотизма и слишкомъ опасной для многосоставнаго государства. Литовское протестантство дошло до ужасающей разнузданности, грозившей гибелью всѣмъ основамъ Литвы, религіознымъ и гражданскимъ. Оказалось до осьмидесяти сектъ, которыя неистово спорили одна съ другой и поселяли ненависть и отчаяніе между гражданами соединеннаго государства, чѣмъ легко могли воспользоваться сосѣди: Германія легко могла отторгнуть отъ Польши нѣмецкую и протестантскую Пруссію, Швеція завоевать литовскую Ливонію, Россія привлечь къ себѣ русскія области, а татары грабить и жечь, гдѣ что можно.

Все это были такія обстоятельства, надъ которыми могли сильно задуматься не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ, и которыя вели обѣ страны, волей и неволей, къ сближенію.

Польша, какъ водилось и прежде, стала на этомъ пути впереди и потянула къ себѣ Литву всѣми силами. Давно не нравилось полякамъ либеральное управленіе Литвой Сигизмунда-Августа. Забили тревогу прежде всего люди духовные. Папа прислалъ въ Польшу нунція съ освященнымъ мечемъ Сигизмунду для казни еретиковъ. Около нунція сгруппировалась польская латинская партія и стала перетягивать короля на свою сторону. Страсть Сигизмунда къ женщинамъ и семейныя несчастія ставили его въ безвыходное положеніе передъ этой партіей. Ему нужно было, чтобы папа, то утверждалъ тайный бракъ (съ Варварой Радзивилловой), то разрѣшалъ бракъ съ сестрою умершей жены (сестрой первой жены принцессы австрійской), то наконецъ расторгалъ его. Этимъ путемъ Сигизмунда такъ настроили, что при немъ, почитателѣ Кальвина, втерлись въ Польшу и даже въ Литву іезуиты. Наконецъ, въ довершеніе всего, Сигизмундъ очутился въ такомъ положеніи, въ которомъ сильно призадумался бы надъ судьбою соединенныхъ государствъ всякій государь, какимъ бы началамъ онъ ни слѣдовалъ и въ какомъ бы состояніи ни находились его государства,—онъ былъ бездѣтенъ и совершенно одинокъ въ своемъ домѣ. Мать его королева Бона, недостойнѣйшая италіянка, разсчитывая властвовать по смерти Сигизмунда I, намѣренно пріучила Сигизмунда-Августа къ разврату и нѣгѣ. Разсчетъ ея оказался невѣрнымъ. Большія дарованія и природная доброта Сигизмунда довольно счастливо вышли изъ этой школы; но въ тоже время онъ вынесъ изъ нея больше того, чего желала Бона, онъ не только сдѣлался неспособнымъ быть добрымъ мужемъ, что еще могло быть выгоднымъ для Боны, но и неспособнымъ имѣть здоровыхъ дѣтей, которыя не могли быть ей страшны. Очутился на соединенномъ польскомъ и литовскомъ

престолѣ одинъ человѣкъ безъ дѣтей, безъ надежды имѣть наслѣдника. Приходило время окончательнаго разсчета между Литвой и Польшей и разсчета тѣмъ тяжелѣе, что уже нельзя было ни скрыть накопившіяся фальши, ни отсрочить ихъ. Король могъ умереть; время было дорого и очень тяжело. Въ особенности эту тяжесть чуствовалъ король. Смерть представлялась ему теперь очень страшною и какъ человѣку и какъ государю. Нужно рѣшить вопросъ объ отношеніи Литвы и Польши — вотъ сознаніе, которымъ проникались и король и поляки и даже литовцы и всѣ стали торопиться покончить это дѣло. Но сразу оказалось, что оно направляется не къ пользѣ литовцевъ, а къ ихъ государственной и національной погибели. По этому литовцы подались назадъ и нужно было почти десять лѣтъ, чтобы одолѣть ихъ упорство и совершить надъ ними этотъ актъ смертоубійства.

Началъ его Сигизмундъ-Августъ съ того, что напомнилъ литовцамъ, что государственныя имущества, а таковыми были почти всѣ земли литовскихъ вельможъ, принадлежатъ ему, и потому часть доходовъ съ нихъ должна идти въ его придворную кассу. Затѣмъ, онъ счелъ себя въ правѣ располагать своею династическою наслѣдственностію и взялъ да подарилъ ее Польшѣ. Это значило, что король, свободно избранный въ Польшѣ, тѣмъ самымъ дѣлается великимъ княземъ литовскимъ. Литва пусть сольется съ Польшей, тогда будетъ участвовать въ избраніи короля, иначе должна неволей принимать того, кого добровольно изберетъ Польша. Это сдѣлано на Варшавскомъ сеймѣ 1564 года, сеймѣ чисто польскомъ, на немъ не было литовцевъ, они тогда еще имѣли отдѣльные сеймы и сносились съ польскимъ сеймомъ черезъ коммисаровъ. Литовцы вооружились противъ этой вопіющей мѣры, послали

протестъ; но на это не посмотрѣли, дѣло было сдѣлано. Составленъ актъ обязательный для Литвы безъ единой литовской подписи, даже безъ печати литовской. Раздраженіе литовцевъ могло быть очень опаснымъ. Мы не сомнѣваемся, что они передались бы московскому князю, Іоанну IV, если бы то было не въ шестидесятыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія, а въ пятидесятыхъ, еслибы то было при Іоаннѣ, побѣдителѣ казанскаго царства, а не при Іоаннѣ, учредившемъ опричнину. Къ несчастію, неистовства Іоанна сдѣлали Литву безпомощною съ востока — со стороны Россіи. Она должна была идти неволей на западъ къ Польшѣ — къ своей смерти и испытать еще много мукъ на этомъ пути.

За варшавскимъ декретомъ — такъ называемомъ варшавскимъ рецессомъ, легко могла послѣдовать война. Польша, получившая отъ короля право на вѣчное владѣніе Литвой, естественно могла идти завоевывать ее, какъ завоевывалъ бы ее всякій наслѣдственный литовскій князь, еслибы она отказала ему въ повиновѣніи, — отвергла его право наслѣдства. Польша готова была это сдѣлать, но Сигизмундъ Августъ не способенъ былъ идти такъ рѣшительно путемъ деспотизма и такъ жестоко измѣнить своей гуманности и либеральности. Онъ задумалъ сдѣлать такъ, чтобы Литва сама слилась съ Польшей. Для этого нужно было обезсилить главныхъ противниковъ слитія, вельможъ. Для достиженія этой цѣли онъ сталъ на либеральную точку зрѣнія и оперся на дѣйствительное сочувствіе своимъ намѣреніямъ.

Мы уже говорили, что изъ всѣхъ сословій Литвы одно только способно было желать союза съ Польшей въ виду сословныхъ выгодъ — это бояре, жившіе на земляхъ литовской аристократіи подобно крестьянамъ и потому значительно отъ нихъ зависимые. Когда въ Литву стали проникать польскіе понятія и порядки — гербы, чины и сей-

мы, бояре эти стали недовольны своимъ положенiемъ. Они видѣли, что въ Польшѣ гербы, чины и сеймы доступны всей шляхтѣ, а въ Литвѣ только аристократiи. Въ XVI столѣтiи литовская аристократiя сдѣлала уступку своимъ боярамъ; допущены были областные сеймы, на которыхъ участвовали и бояре и могли избирать депутатовъ на главный сеймъ. Но понятно, что, сидя на землѣ аристократовъ, бояре не могли имѣть значенiя ни на областныхъ сеймахъ, ни на главныхъ. Теперь, когда король возстановилъ свое право на земли аристократовъ, большинство бояръ сдѣлалось самостоятельнѣе. Король довершилъ эту самостоятельность тѣмъ, что юридически уравнялъ литовское боярство съ аристократiей во всѣхъ правахъ. Послѣ этого нельзя уже было дальше затягивать окончательнаго разбирательства между Литвой и Польшей. Неопытность новопрiобрѣтенныхъ поборниковъ слитiя и крайнее раздраженiе старыхъ противниковъ его побуждали всѣхъ торопиться. И литовцы и поляки согласились съѣхаться въ 1569 году на сеймъ въ Люблинъ, обязавшись порѣшить на немъ прежде всѣхъ дѣлъ вопросъ объ окончательномъ соединенiи Литвы съ Польшей.

Вотъ обстоятельства, приведшiя къ люблинской унiи. Много ли въ нихъ было народныхъ симпатiй, народной братской любви, народнаго единства между Литвой и Польшей? это кажется ясно. Но все это было только начало болѣзней, обнаружившихся и развившихся на прославленномъ люблинскомъ сеймѣ.

Намъ приходится теперь начертить картину жестокаго насилiя съ одной стороны и позорнаго униженiя—съ другой. Не трудно догадаться, что униженiе здѣсь досталось на долю литовцевъ, а насилiе было дѣломъ поляковъ. Мы не будемъ подобно польскимъ писателямъ скрывать ни этого

насилія, ни этого униженія, хотя они одинаково могутъ быть непріятными какъ для польскаго, такъ и для западно-русскаго народнаго чувства. Люблинскій сеймъ собирался при обстоятельствахъ, самыхъ неблагопріятныхъ для Литвы. Война готова была вспыхнуть на всей восточной линіи Литвы и вспыхнуть тѣмъ скорѣе и легче, что тогда была зима (святки 1568 г.) — самое удобное время для войны въ этихъ странахъ. Война съ Іоанномъ IV, развернувшимъ уже тогда широко картину своихъ неистовствъ и такъ компрометировавшимъ въ глазахъ всѣхъ русское дѣло, сильно ослабляла защитниковъ независимости литовскаго княжества въ ихъ борьбѣ съ поляками, потому что они по необходимости должны были искать у поляковъ помощи и, слѣдовательно, сдаваться на ихъ волю вмѣсто того, чтобы грозить имъ союзомъ съ Россіей и тѣмъ тверже стоять въ своихъ требованіяхъ. Этотъ послѣдній планъ не могъ теперь не возбуждать въ нихъ тревоги и опасеній за судьбу своей родины. Не забудемъ, что главными защитниками литовской независимости были чистые литовцы и въ добавокъ протестанты. Не легко имъ было стать выше тѣхъ впечатлѣній, какія возбуждали дѣла Іоанна, взвѣсить то, что взвѣсилъ потомъ такъ вѣрно народъ, рѣшившій, что ему лучше быть подъ властію Россіи, — не легко было, говоримъ, взвѣсить вѣрно это тогда передовымъ людямъ и не потерять энергіи въ предстоящей борьбѣ съ Польшей. Очевидное дѣло, что многіе должны были изъ двухъ золъ тогдашнихъ выбирать меньшее—польское. Но это такъ сказать, отвлеченное дурное послѣдствіе для Литвы безумія Іоаннова. Въ практической жизни оно дѣлало вредъ еще ощутительнѣе. Боясь Іоанна, Литва должна была поставить на стражѣ на восточныхъ границахъ Литвы лучшихъ своихъ людей, въ то время, когда крайне нужны были то же лучшіе люди для смертоубійствен-

наго люблинскаго сейма, грозившаго гибелью внутренней самостоятельности Литвы. Между тѣмъ внутри страны, въ самой Литвѣ нужна была то же своего рода умная и бдительная стража. Мы уже знаемъ, что передовые защитники западно-русской независимости немного могли опереться на поддержку своего боярства, перетянутаго къ Польшѣ жаждою шляхетскихъ преимуществъ. Они сильно боялись измѣны съ его стороны. Наконецъ, въ довершеніе всего, они не озаботились или не умѣли опереться на массу народа, о которомъ во все время люблинскаго сейма разъ только, какъ увидимъ, была рѣчь и то какъ невольное признаніе его грозной силы, по крайней мѣрѣ наши памятники говорятъ объ этомъ единственный разъ.

Всѣ эти обстоятельства произвели то, что судьба литовскаго княжества оказалась въ рукахъ очень немногихъ людей. Собственно ее держали шесть человѣкъ — три со стороны Литвы: воевода виленскій Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій Евстафій Воловичъ и особенно вѣрный защитникъ народнаго дѣла староста жмудскій Котковичъ *, и три со стороны Малороссіи: воевода кіевскій князь Константинъ (Константиновичъ) Острожскій, воевода волынскій князь Александръ Чарторижскій и воевода брацлавскій князь Романъ Сангушко **. Впрочемъ, несправедливо было бы

---

* По списку чиновъ временъ Люблинскаго сейма, приложенному Дзялынскимъ къ его діаріушу старостой Жмудскимъ значится Юрій Бѣлевичъ. Такъ мы и принимали прежде. Но по рукописнымъ діаріушамъ оказывается Котковичъ. Имя это нѣсколько разъ встрѣчается въ текстѣ рукописныхъ діаріушовъ,—мы нашли, что и у Дзялынскаго оно разъ упомянуто, по этому исправляемъ прежнюю нашу ошибку. Важно это потому, что староста Жмудскій былъ самымъ виднымъ противникомъ уніи.

** Какая превратность—въ исторіи фамилій Воловичей и Чарторижскихъ! Предки были жаркими противниками соединенія Литовскаго княжества съ Польшей: потомки являются горячими поборниками его!? Будетъ ли еще

слишкомъ уменьшать силу западно-русскую; несправедливо было бы упускать изъ виду то, что монархизмъ и аристократизмъ Литвы закрывали многихъ дѣятелей, на которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, опирались всѣ сказанные нами передовые дѣятели, но которые по литовскимъ понятіямъ и обычаямъ не могли стать съ ними такъ близко и явно, какъ становилась польская шляхта около своего сената. Нѣтъ сомнѣнія такъ же и въ томъ, что хотя передовые дѣятели литовскаго княжества не призвали народъ къ участію въ рѣшеніи вопроса объ уніи съ Польшею, но знали, что народъ видитъ и цѣнитъ ихъ дѣла. Этимъ всѣмъ и можно объяснить ту необыкновенную энергію, какую мы увидимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣятелей. Какъ бы то однако ни было, силы литовскія были очень немногочисленны на люблинскомъ сеймѣ и литовцы это прямо высказали *.

Поляки, напротивъ, никогда не собирались для совѣщаній объ уніи при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Конечно, и они тревожились за судьбу своего королевства. Потеря литовскаго княжества была бы не шуточной бѣдой. Притомъ, кромѣ Литвы и Пруссія, принадлежавшая тогда Польшѣ, тянула въ ту же сторону, что и Литва—къ независимости. Но все это были не болѣе какъ опасенія, которыя не отвлекали, а, напротивъ, приковывали вниманіе всѣхъ поляковъ къ люблинскому сейму и тѣмъ удобнѣе было удовлетворить этому желанію—быть на сеймѣ, что собственно польская страна наслаждалась спокойствіемъ. Благодаря всему этому, Польша могла выставить на сеймъ полный составъ членовъ, которымъ легко было сознать

превратность назадъ? Пронесется ли миръ и любовь надъ костями предковъ и оживутъ ли они въ дѣлахъ дальнѣйшаго потомства?

* Zrzodłop. do dz. unij. стр. 49.

свою нравственную силу, разогрѣть ее патріотизмомъ и жаждою власти и наконецъ надеждою потѣшиться надъ обезсиленнымъ соперникомъ. Это несоотвѣтствіе силъ литовскихъ и польскихъ естественно должно было уравновѣшиваться раздраженіемъ слабѣйшей стороны и увеличиваться, въ свою очередь, раздраженіемъ сильнѣйшей. Словомъ, сеймъ во всякомъ случаѣ не могъ быть мирнымъ, а между тѣмъ, въ основѣ возникающей розни между литвинами и поляками скрывалась еще очень важная пружина ея. Какъ только собрался сеймъ, сразу обозначились двѣ непримиримыя силы, которыя, казалось, не посмотрятъ ни на что и немедленно доведутъ дѣло до оружія и кровопролитія. Съ одной стороны—польской, выступила старая, вѣковая, въѣвшаяся въ плоть и кровь польскую и обновленная теперь іезуитствомъ — латинская сила; съ другой, литовской, сила недавняя и очень обманчивая, но тогда все еще имѣвшая большое значеніе въ Литвѣ - сила протестантская. Польская латинская сила выдвигалась многочисленною и могущественною польской іерархіей, наполнявшей сенатъ и поддерживалась особенно ревностно краковскимъ воеводствомъ. Къ силѣ литовской - протестантской общая опасность придвинула передовыхъ западно-русскихъ православныхъ людей.

Мы, потомки, обозрѣвающіе тогдашнія событія съ обычною привиллегіей потомства, относительною ясностію и хладнокровіемъ не сомнѣваемся, что обѣ эти силы, латинская и протестантская, дѣйствительно были немаловажными пружинами раздора и что онѣ непремѣнно перешли бы къ оружію, еслибы хорошо распознали себя и были откровенны. Но этого-то и не было. Протестантство тогда было еще слишкомъ молодо, а латинство слишкомъ скомпрометировано своимъ упадкомъ отъ протестантства, чтобы обѣ силы рѣшились оглядѣть себя прямо и высказать, чего

ждутъ одна отъ другой. Одно только православіе прямо и честно заявило, что ему будетъ не хорошо въ брачномъ союзѣ Литвы съ Польшей; но вѣрный голосъ его оказался какъ бы неумѣстнымъ, потому что обѣ другія стороны запрятали свои религіозные счеты и выставили впередъ какъ будто только чисто гражданскіе интересы, — съ одной интересъ Польши, съ другой, интересъ литовскаго княжества. Такая спутанность счетовъ должна была еще болѣе разгорячать головы и затруднять честное разрѣшеніе дѣла.

Люблинскій сеймъ начался 10 января 1569 года *. Съ самаго же начала его сталъ обозначаться безконечный рядъ непримиримыхъ противорѣчій. Обѣ стороны, литовско-

* Люблинскій сеймъ созванъ былъ на 23 декабря 1568 года, но къ этому времени и въ теченіе святокъ пріѣхало очень немного пословъ, такъ что сеймъ открытъ только 10 января. Въ нынѣшнемъ году поляки отпраздновали эту годовщину начала Люблинскаго сейма ночною рѣзней русскихъ солдатъ. Такое празднество поразило всѣхъ своею чудовищностію, но оно еще болѣе чудовищно отъ того, что поляки тутъ вѣрны были историческому смыслу люблинской уніи, которая—то же смертоубійство всего русскаго въ бывшемъ польскомъ государствѣ. Поляки праздновали также и другую годовщину люблинскаго сейма и съ такими же мыслями. Это—ихъ празднество самаго акта уніи люблинской въ августѣ мѣсяцѣ. Но тутъ они явно спутались. Конецъ сейма люблинскаго дѣйствительно былъ въ августѣ 1569 года, именно 12; но актъ уніи былъ не тогда, а 28 іюня и 1 іюля. 28 іюня первый разъ сошлись въ одно засѣданіе литовцы и поляки и объявлено согласіе на унію, а 1 іюля присягали на унію. Нынѣшніе поляки, бравшіе уроки для манифестацій очевидно у Дзялынскаго, не легко могли доискаться дней акта уніи. Въ діаріушѣ Дзялынскаго засѣданія сейма обозначены не по мѣсяцамъ и числамъ, а по днямъ недѣль, кое-гдѣ съ указаніемъ важнѣйшихъ праздниковъ и какая недѣля: Началу сейма (w poniedziałek po tzrech krolach) они пріискали соотвѣтствующее число; въ обозначеніи дня, когда кончался сеймъ, хотя не держались точности, но знали, что это было въ августѣ, а времени самаго акта не доискались. Такъ и видно, что устройствомъ празднествъ по случаю уніи люблинской занимались не ученые люди, а школьники и профаны въ наукѣ.

русская и польская открыли сеймъ такою тактикой. Поляки поставили прежде всѣхъ другихъ дѣлъ рѣшить вопросъ объ унiи и, показывая видъ, что рѣшенiе это уже почти готово, предложили литовцамъ сразу засѣсть съ ними вмѣстѣ и безъ дальнихъ церемонiй покончить его *. Это значило сразу нарушить старый и очень важный обычай, по которому поляки и литовско-русскiе никогда не засѣдали вмѣстѣ и фактически соединить Литву съ Польшей прежде всякихъ разсужденiй объ этомъ. Но литовцы не считали унiю столь желанною и столь близкою къ концу. Они вопреки дѣйствiямъ поляковъ объявили, что прежде унiи желаютъ поразсудить и порѣшить у короля свои частныя, т. е. литовскiя дѣла. Подъ видомъ этихъ частныхъ литовскихъ дѣлъ они задумали добиться у короля утвержденiя всѣхъ особыхъ литовскихъ правъ, въ особенности новосоставленнаго статута, направленнаго больше всѣхъ прежнихъ противъ Польши, т. е. они сразу хотѣли сдѣлать невозможнымъ слитiе Литвы съ Польшей **. Эта тактика не удалась имъ,—король не утвердилъ ихъ особыхъ правъ и приказалъ разсуждать объ унiи; но не удалась также и польская тактика. Литовцы рѣшительно отказались засѣсть вмѣстѣ съ поляками. Пришлось сноситься по старому обычаю черезъ короля или черезъ коммисаровъ. По памятникамъ видно, что литовцы предпочитали первый

---

* Дзял. we wtorek po trzéch król. Wszyscy się zgodzili na to, aby od unij począć.... Всѣ согласились начать съ унiи. И далѣе: we środę po trzech królach. По рукописямъ подъ 12 января.

** По дiарiушу Дзял. w dzién s. Agnièszki; по рукописямъ подъ 12 числомъ января говорится слѣдующее: niechcieli się w niwecz dać, aczby im król statut ich nowozłozony konfirmował, w którym wiele było unij przeciwnego. Не хотѣли, литовцы, вдаваться ни въ какiя разсужденiя, пока имъ король не утвердитъ новосоставленнаго ихъ статута, въ которомъ было много противнаго унiи». Статута этого мы не знаемъ.

способъ; но поляки очень боялись его, они говорили: нельзя допустить этого, потому что какъ бы въ такомъ случаѣ король не ускользнулъ намъ отъ своей обязанности—кончать унію *, и потребовали, чтобы литовцы сносились прямо съ польскимъ сеймомъ и то не одни аристократы, а и послы литовскіе, отъ которыхъ, говорили они, литовскіе паны скрываются **. На дѣлѣ вышло такъ, что литовцы сносились съ поляками и черезъ короля и прямо съ сеймомъ.

Послѣ этой перестрѣлки приступили къ самой борьбѣ,

---

* Pan kanclerz powièdział, abyśmysię przez króla S. M. z pany Litewskiemi w żadny traktat ni wdawali, strzegąc tego, aby za tem krol S. M. nam z nowinności swey niè wyżliznął. Дзял. wc śródę po trzech królach. По рукописямъ то же.

** По рукоп. подъ 12 января. Litwa także, aby przy swych deputatach była i wszystkiego słuchała, bo experíentia edocti, bowiem tego już na porzedniéyszych seymach doznali, żè panowiè Litewscy pilno strzegli, aby populus ich niè był przy tych traktaciech, a tak aby się nie ułakomíli na polskie prawa, gdyby o nich dostateczną swrawę wzięli. I tak jako jeno panowie oni chcièli osobno swoim unią ganili, odwodzíli, mierźíli, o ktorey gdyby populus terrarum illius od polakow sam słyszał, lepièj by rozumièli. Литва, т. е. литовскіе сенаторы, тоже пусть будетъ вмѣстѣ съ своими депутатами и пусть все слышитъ, потому что мы уже опытомъ научены, уже испытали на прошедшихъ сеймахъ, что паны литовскіе (сенаторы) тщательно остерегались, чтобы чернь ихъ (т. е. не народъ, а боярство) не была при этихъ трактатахъ объ уніи и чтобы не разлакомилась на польскія (т. е. шляхетскія) права, когда бы получила объ немъ точное понятіе. Такимъ образомъ, будучи особо, какъ хотѣли, охуждали передъ своими (боярами) унію, отклоняли отъ нее, возбуждали къ ней омерзеніе, о которой чернь имѣла бы лучшее понятіе, если бы основу ея узнали отъ самихъ поляковъ.—Свидѣтельство это очень замѣчательно. Мы уже говорили, какимъ образомъ возникло въ боярствѣ желаніе польскихъ преимуществъ и къ чему оно привело ихъ. Изъ этого свидѣтельства однако видно, что литовскіе аристократы не безъ успѣха вооружали противъ уніи боярство.

рѣшились оканчивать унію, идя неизмѣнно тѣмъ же путемъ противорѣчій. Обѣ стороны стали опять на совершенно противоположныя точки зрѣнія касательно взаимныхъ отношеній Литвы и Польши во времена будущей уніи и тѣмъ крѣпче держались ихъ, что обѣ оперлись на строго юридическія данныя, обѣ хотѣли разсуждать объ уніи на основаніи государственныхъ актовъ объ этомъ прошедшаго времени, одинаково дорогихъ для обѣихъ сторонъ и въ числѣ ихъ даже такихъ актовъ, которые были даны одними и тѣми же государями. Поляки хотѣли основать унію на старыхъ актахъ ея, особенно на уніи Александровой *. Литовцы называли эти хартіи пустыми бумагами **, куделями ***, и противопоставляли имъ многочисленныя свои привиллегіи и статуты, утверждавшіе са-

---

* По Дзял. отъ середы. Po trzech krolach до середы po s. Agnieszce; по рукописямъ отъ 12 до 19 января.

** Są annihilowane od przodkow. Признаны отъ предковъ неимѣющими силы. У Дзял. we czwartek (po s. Agn.). Wszystkie pierwsze spiski, ktòre były szrodliwe i przeciwne Rzeczy pospolitey Wielkiego Księstwa Litew. za spolnem zezwoleleniem obydwu panstw są na strone odłożone i skassowane. Przeto wszystkie priywileje de incorporatione, subjectione ad regem i regnum, jako nigdy effectu swego niè miały, tak już ustały tamże. Всѣ первые списки (на унію—Ягеллы, Александра), которые были вредны и противны рѣчи посполитой великаго княжества литовскаго, по обоюдному согласію обоихъ государствъ, отложены въ сторону и признаны уничтоженными. По сему всѣ привиллегіи о слитіи и подчиненіи (Литвы) королю и королевству (польскому), какъ никогда не имѣли силы, такъ и не считались существующими тогда же. У Дзял. стр. 47.

*** Lekce nasze prziywileje ważąc, zwali je z posmiechem kądzielami. Мало давая значенія нашимъ привиллегіямъ, называли ихъ куделями. У Дзял. стр. 19. Куделями называли или въ томъ смыслѣ, что изъ нихъ все можно выпрясти или просто брали это названіе отъ множества шнурковъ при нихъ, на которыхъ висѣли печати.

мостоятельность Литвы *. Поляки прибавляли къ старымъ актамъ недавній варшавскій рецессъ, — отказъ короля въ пользу Польши отъ наслѣдства литовскаго престола, передававшій въ ея руки Литву. Литовцы, уничтожая силу этого акта, пошли дальше, - стали доказывать, что подобно полякамъ имѣютъ право на избраніе государя и пользовались этимъ правомъ на самомъ дѣлѣ **, слѣдовательно, король передавая Польшѣ свою наслѣдственность, передавалъ то, чего не имѣетъ. Словомъ, они совершенно уравнивали Литву съ Польшей по всѣмъ правамъ, которыя, по ихъ понятіямъ, должны были увѣнчаться такою же самостоятельностію, какою пользовалась Польша.

Обѣ стороны ясно видѣли, что теперь нечего разсуждать о слитіи Литвы съ Польшей. Но что же дѣлать? Какъ повести дѣло дальше? Тутъ опять и литовцы и поляки стали въ непримиримое противорѣчіе. Поляки задумали, не разсуждая ни о чемъ, привести въ исполненіе старые акты, говорящіе въ ихъ пользу ***. Литовцы требовали оставить вопросъ о государственномъ слитіи Литвы съ Польшей и закрѣпить правственный, братскій союзъ

* У Дзял. стр. 30– 32; 47—52. Сущность ихъ въ томъ, что утверждались литовцамъ тѣми же государями, которые были и польскими королями, отдѣльность Литвы, особыя ея права и запрещалось полякамъ вмѣшиваться въ ея управленіе и даже жить въ Литвѣ.

** Тамъ же стр. 47 — 50.

*** Nie odstępować starych spisow i przywilejow i deklaracyi Warszawskiey, a w pisma się nie wdawae, a krola S. M. prosić, aby authoritate swą już z powinności swey, executią temu uczynić raczył. Не отступать отъ старыхъ списковъ (на унію), отъ привиллегій и отъ варшавской декларацій, въ новые проекты унія не вдаваться, но просить короля, чтобы по своей обязанности властію своей привелъ то въ исполненіе. Мнѣніе крак. воеводства у Дзял. стр. 18.

между ними *. Т. е. одни заняли полицейское положеніе, а другіе рядомъ съ нимъ идиллическое. Такая параллель непремѣнно должна была сдѣлаться или комическою или трагическою. Король и польскіе сенаторы думали, что есть возможность найти середину между этими крайностями и придумали слѣдующее: предложили написать проектъ уніи и разсудить его общимъ совѣтомъ, для чего сами и написали его. Литовцы тоже давно добивались, чтобы поляки высказали свою мысль объ уніи. Послы польскіе долго не соглашались на это, но наконецъ уступили, взяли сенаторскій проектъ, поправили его и передали литовцамъ. Въ этомъ проектѣ поляки требовали:

Слитія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ въ одно государство и одинъ народъ.

Это единство должно было выражаться въ уничтоженіи особаго избранія и вѣнчанія государя, въ уничтоженіи особыхъ сеймовъ, особыхъ печатей, особой монеты и всѣхъ постановленій статута противныхъ этому единству.

Тѣнь самостоятельности литовскаго княжества оставлялась для собственно такъ называвшейся Литвы, т. е. для Жмуди и Бѣлоруссіи, въ сохраненіи литовскаго государственнаго титула, государственныхъ должностей и очищеннаго статута, но за то отъ литовскаго княжества должны перейти въ непосредственное польское управленіе такъ называемыя русскія, т. е. малороссійскія области **.

Литовцы пришли въ страшное негодованіе отъ этого польскаго проекта уніи. Напрасно мы потратили деньги на поѣздку сюда, говорили они, намъ предлагаютъ пора-

---

* У Дзял. (po s. Agnieszoe). Мнѣніе воеводы виленскаго.

** У Дзял. стр. 22—24 помѣщенъ сенаторскій проектъ уніи; въ рукописныхъ діаріушахъ подъ 12 ч. февраля, исправленный польскими послами.

ная вещь. Мнѣ нужно много практическихъ и положительныхъ свѣдѣній, которыя я думалъ вызвать этими статьями,—именно затѣмъ, чтобы быть также ясну и просту въ »М. Д.«, какъ неясенъ и загадоченъ въ этой книгѣ моей. Нужно взять изъ нашей же земли людей, изъ нашего же собственнаго тѣла, такъ чтобы читатель почувствовалъ, что это именно взято изъ того самаго матеріала, изъ котораго и онъ самъ состатленъ. Иначе не будутъ живы образы и не произведутъ благотворнаго дѣйствія. А потому, Богъ вѣсть, можетъ, по прочтеніи моей книги сплошь, придетъ кн. В**** благая мысль подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которыя, разумѣется, въ нѣсколько разъ будутъ лучше моихъ, прямѣй и ближе къ дѣлу, и могутъ быть напечатаны отдѣльной книгой. Можетъ быть, и дорбѣйшій гр. М.Ю.В*** снабдитъ меня такими закими замѣчаніями, за которыя всю жизнь мою буду ему благодаренъ. Я не знаю, какъ передъ нимъ извиняться, не смѣю даже и писать къ нему. Я думаю, что я его слишкомъ огорчилъ моими всѣми докуками. Покажи имъ лучше это письмо мое, то есть, и ему, и кн. В****. Можетъ быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинятъ меня и простятъ меня. Мнѣ кажется, что все семейство его, мною нѣжно любимое, мною недовольно, потому что, съ появленія моей книги, никто изъ нихъ не писалъ ко мнѣ. Скажи, имъ, что всѣ мои проступки, въ которыхъ видятъ и самонадѣянность, и самолюбіе, и самоослѣпленіе происходятъ просто отъ глупости, отъ нетерпѣнія переждать немного, пока придешь въ такое состояніе, что можешь заговорить просто и безъ напыщенности о томъ, что́ теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. Такъ бываетъ со всякимъ юношей, который не созрѣлъ: онъ всегда хватитъ нотой ниже, или выше того, чѣмъ нужно. Итакъ желаніе мое, чтобы гр. М.Ю.В***, кн. В*** и даже В.А.П***, если захотятъ, были моими судьями, и для этого мнѣ бы хотѣлось, чтобы вся книга была переписана сплошь, со включеніемъ всего [кромѣ двухъ статей »Къ близорукому Пріятелю« и »Страхъ и Ужасъ«, которыя совсѣмъ не для печати и намѣсто которыхъ у меня готовились другія, подъ тѣмъ же заглавіемъ]. Скажи, что никакое рѣшеніе ихъ не огорчитъ меня, что увидать свѣтъ эти статьи должны были только затѣмъ, чтобы доставить мнѣ замѣча-

княземъ и послѣ коронаціи его въ Польшѣ королевскимъ вѣнцомъ, коронуетъ въ Литвѣ литовскимъ княжескимъ вѣнцомъ.

Сеймы, кромѣ чрезвычайныхъ, монета, управленіе (т. е. чиновныя лица), узаконенія литовскія должны быть особыя.

Съ литовскимъ княжествомъ неразрывно должны быть соединены малороссійскія области и все Литовское княжество во всѣхъ границахъ должно быть отдѣлено отъ Польши и Польша должна гарантировать ихъ цѣлость *.

Такая унія очевидно требовала совершенной, народной и правительственной независимости Литвы отъ Польши. Она должна была быть даже гораздо слабѣе уніи прежнихъ временъ потому особенно, что ослабляла условіе единства династіи для обоихъ государствъ. Это былъ чисто политическій и, положимъ, нравственный союзъ государствъ, но не болѣе.

Какъ поляки понимали такую идеальность, это можно видѣть изъ слѣдующаго сужденія ихъ объ этомъ союзѣ. Мы и съ невѣрными можемъ имѣть такой союзъ **. Они по-

---

* Рук. діаріушъ подъ 15 ч. февраля.

** Panowie litewscy zgoła wszystkie spiski przodkow swych poprzysiężone i wszystkie przywileje panow swych odrzuciwszy podali na pośmiech narodowi polskiemu pismo jakieś nowe około unij, różne od dawnych przywilejow i przeciwne miłości braterskiej zdawna opisanej, a takową unią nie tylko z nadalszym narodem, ale i z najgrubszym pogaństwem mieć łatwie możemy i przetoż W. Mości prosimy, raczcie to W. Mości stateczne wziąść przed się, a takowych pośmiechów nie cierpić i tak w to już wstąpić, jakoby lepak większy pośmiech z tego nie był, gdybyśmy się za to tak znacznie jąwszy, dowieść tego ku dobremu końcu nie mogli. Паны литовскіе, отвергнувъ рѣшительно всѣ присяжные акты своихъ предковъ и всѣ привиллегіи своихъ государей, представили на посмѣяніе народу польскому какую-то новую грамоту касательно уніи, отличную отъ древнихъ привиллегій и противную братской любви, издавна описанной, какова должна быть. Такую унію мы легко можемъ имѣть не только съ отдаленнѣйшимъ народомъ, но и съ грубѣйшими нехристями. По этому просимъ вашихъ милостей (обращаются послы польскіе къ своимъ сенаторамъ), обратите на это тщательное вниманіе, непотерпи-

требовали теперь рѣшительно, чтобы король приказалъ литовцамъ засѣсть съ ними на одномъ сеймѣ и разсуждать только о проектѣ уніи польскомъ *.

Король нѣсколько разъ приглашалъ литовцевъ къ себѣ и убѣждалъ согласиться съ поляками. Литовцы ѣздили къ королю; совѣщанія тянулись нѣсколько дней. Поляки каждый день навѣдывались, скоро ли будетъ конецъ, но конца не было видно—литовцы не сдавались. Король рѣшился потребовать своею властію, чтобы литовцы явились въ замокъ и засѣли съ поляками; но сдѣлалъ это не прямо, а съ прибавкою хитрости. Король и поляки условились, чтобы члены польскаго сейма никому ничего не говоря, собрались незамѣтно въ замокъ, король призоветъ своею

те такого посмѣянія, и такъ поступайте, чтобы изъ этого не вышло еще большаго посмѣянія, еслибы мы, такъ сильно взявшись за это дѣло, не довели его до конца. У Дзял. стр. 51.

* Raczciesz W. M. spólnie z nami (говорятъ польскіе послы къ своимъ сенаторамъ) Króla J. M. prosić, aby raczył między W. M. w radzie zasieść i stanów Litewskich przy bytności naszej wezwać. . . . . jeszcze upominać (Литовцевъ) aby czynili dosyć spiskom przodkom swych, a tego bratskiego zjednoczenia przedsięwzięciem swym takowym, o którym się y naszym y ich przodkom nie śniło, nie targali. Gdzieby więc tego uczynić nie chcieli prosić J. K. M. aby już władzą swą pańską do tego je przywieść raczył, gdyż nam nie nową jaką, ale dawną unią exequować powinien. Благоволите (сенаторы) вмѣстѣ съ нами (говорятъ польскіе послы) просить короля, чтобы пригласилъ засѣсть въ радѣ вашихъ милостей чиновъ литовскихъ вмѣстѣ съ нами.... напомнить литовцамъ, чтобы дѣлали, какъ требуютъ списки ихъ предковъ и не разрывали этого братскаго соединенія такимъ своимъ замысломъ, о которомъ не снилось ни нашимъ, ни ихъ предкамъ. А еслибы не желали этого исполнить, то просить его королевскую милость, чтобы своею королевскою властію привелъ ихъ къ этому, такъ какъ король обязанъ привести въ исполненіе давнюю, а не какую-то новую унію. Рук. діаріушъ подъ 16 февраля.

*

властію всѣхъ литовцевъ и введетъ ихъ въ польскій сеймъ. Поляки приготовились, король послалъ за литовцами, но тѣ, вѣрно, узнали, что имъ готовится западня и отказались ѣхать *. Дѣло дошло до развязки.

Литовцы ясно теперь поняли, что ничего нельзя сдѣлать, что ихъ пребываніе въ Люблинѣ напрасно, а между тѣмъ разнесся между ними еще слухъ, что они здѣсь не безопасны. Они видѣли, что ихъ явно ведутъ не то что къ личной смерти, а къ народному историческому смертоубійству ихъ родины. Было надъ чѣмъ призадуматься! Самое время, когда все это происходило — первая недѣля поста—невольно вызывало душу на глубокія добросовѣстныя размышленія. Наступило воскресенье первой недѣли поста (27 февраля), для многихъ изъ нихъ имѣвшее особенное значеніе. Въ Люблинѣ къ празднику затихли шумные съѣзды сеймовыхъ пословъ и еще болѣе шумныя ихъ рѣчи. Но на утро въ понедѣльникъ (28 февраля) вдругъ необыкновенный шумъ и неистовые крики между поляками,—почти всѣ литовскіе послы уѣхали съ сейма по домамъ **. Осталось нѣсколько человѣкъ и то собственно для объясненія королю причины отъѣзда *** и главное для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ польскомъ станѣ.

---

* Рук. діар. съ 21 по 28 Февраля.

** W. poniedziałek po wstępnej niedzieli. . . . Dano odpowiedź od Króla J. M. że już i panów Litewskich nie mało i posłowie Litewscy się rozjechali i dali to znać, iż już niechcą nic z nami mówić, ani stanowić o unij, у Дзял. стр. 60. Въ понедѣльникъ послѣ воскресенія вступительнаго (православія). Данъ отвѣтъ отъ короля, что уже не мало сенаторовъ литовскихъ и пословъ—разъѣхалось и что они объявили, что не хотятъ уже ничего съ нами лично ни говорить, ни постановлять объ уніи.

*** Литовцы объясняли отъѣздъ или собственно говоря—то, что не поѣхали въ замокъ на приглашеніе короля, тѣмъ, что приглашеніе это прислано имъ прямо отъ маршала польскаго сейма, тогда какъ по закону подобныя

Злость и жажда мести закипѣли теперь въ этомъ станѣ, ругательства и проклятія посыпались на литовцевъ. Хуже турокъ для насъ эти литовцы! Посрамленіе и униженіе для Польши эти литовцы * и когда же? — Передъ лицомъ многихъ посланниковъ, которые собрались присутствовать при этомъ братскомъ союзѣ. Такъ вопіяли храбрые патріоты и отчаянные ретрограды. Либералы и трусливые, которыхъ впрочемъ было не много, разнообразили эту пѣснь съ слѣдующею оригинальностію: вотъ и расторглось уже супружество Литвы съ Польшей **, говорили они. На первыхъ порахъ взрыва поляки закричали о войнѣ. Идти и войной привести ихъ къ уніи кричали они ***.

приказанія долженъ передавать маршалъ литовскаго сейма, до котораго маршалу польскаго сейма нѣтъ дѣла.

* Слова Сеницкаго: Pośmiech, a wzgarda W. Kr. M. dzieje się od tego narodu. Począwszy sprawę tę, snać się wymawiają, że niechcą z nami tego kończyć, i snać odjeżdżają więcej sprawować niechcą, у Дзял. стр. 60. Nie rozumiem ja (слова Земескаго) większego skarbu w polśce, jako stan szlachecki, ktory marnie ginie jeszcze apud ingratos u Litwy, ktore ja sobie gorzey rozumiem, niżli Turka, który sub pretextu amicitiae więcej mi szkody przynosi, niżeli nieprzyjaciel i zelżywości i teraz mam większe serce na nie, niżli na Turka стр. 69—70. Посмѣяніе и униженіе вашему королевскому величеству отъ этого народа (литовскаго). Начавъ съ нами это дѣло (унію), теперь отговаривается, что не хочетъ кончить его, вотъ уже уѣзжаетъ и не хочетъ устроять его. Я не знаю большаго сокровища въ Польшѣ, какъ званіе шляхетское, которое даромъ гибнетъ у этихъ неблагодарныхъ,—у Литвы; ихъ я считаю хуже Турка, который подъ предлогомъ дружбы дѣлаетъ мнѣ только больше бѣды и униженія. Теперь я имѣю больше злости на нихъ (литовцевъ), нежели на турка.

** Otoż W. Mości macie, iż się już to małżeństwo (унія) rozwiodło. Рук. діар. под. 4 Марта.

*** Nie mogliśmy bonis modis onej dowieść, musimy już armis. У Дзял. стр. 75 мнѣніе Przyjemskiego. Нельзя намъ было привести къ концу уніи добрыми средствами, приведемъ оружіемъ. Unią ad effectum przywieść

Но это оказалось очень рискованнымъ и неудобоисполнимымъ. Получены извѣстія, что Литва готовится дать отпоръ и уже разосланы грамоты съ призывомъ всѣхъ на войну, даже готовы уже были гонцы съ такимъ же приглашеніемъ къ татарамъ *. Тогда придумали другой планъ; рѣшили, чтобы король потребовалъ къ себѣ оставшихся литовскихъ пословъ и приказалъ имъ засѣсть вмѣстѣ съ поляками и дѣлать дѣло за всѣхъ, какъ-будто другіе послы не уѣзжали изъ Люблина. Литовцамъ передано было это въ формѣ приказа, явиться къ королю. Литовцы объявили, что къ королю всегда готовы ѣхать и поѣхали, но на дорогѣ къ королевскому дворцу съѣхались съ польскими послами и, догадавшись что во дворцѣ имъ готовится импровизированный общій сеймъ съ поляками, повернули назадъ **. Полякамъ пришлось поневолѣ дальше и дальше

---

tam cum toga, quam sine toga co prędzej. A toga się tak rozumie, tak prawem, jako i mieczem. Рук. діар. подъ 3 мая 9 пунктъ посольскихъ постановленій. Унію привести въ исполненіе, какъ можно скорѣе чрезвычайными мѣрами, подъ которыми нужно разумѣть какъ законъ, такъ и оружіе.

* Przypominał (Marszałek), że tam w Litwie wielki rozruch, już dwa byli, którzy chcieli do tatar jechać, a przywieść je, którzy są na to gotówi, by była nie szlachta je od tego odwiodła rzymskiej wiary, у Дзіал. стр. 127. Припоминалъ маршалъ, что въ Литвѣ большое смятеніе; двое уже собрались ѣхать къ татарамъ и навести ихъ, къ чему тѣ готовы,—и поѣхали бы, еслибы ихъ не отклонила отъ этого шляхта римской вѣры. Рук. діар. подъ 11 ч. марта.

** Dana odpowiedź (посламъ польскимъ) отъ króla J. M. przez pana Kanclerza, że J. K. Mość nie raczy nic zaniechować, co należy J. K. Mości około unij. A iż W. Mość prosicie, aby Król J. M. posłał po nie (Литовцевъ), tedy już Król J. Mość słał po nie dwakroć, a wszakoż jeszcze Król J. Mość roskazał panu Marszałkowi do każdego z osobna posłac aby byli i jezdzili panowie z rady do każdego z osobna. I dana odpowiedź od nich (Литовцевъ) przez pana Łęczkiego Kasztelana, iż oni jako posłuszni chcą przyjechać do Króla J. Mości pana swego,

игнорировать литовцевъ. Потребовали, чтобы король издалъ универсалъ о ходѣ дѣла уніи на люблинскомъ сеймѣ, съ указаніемъ на упорство литовцевъ * и ѣхалъ самъ въ Литву приводить въ исполненіе эту уже рѣшенную унію, для чего стали обдумывать средства королевской безопасности во время этого путешествія **. Король не могъ отказать-

---

ale nie do żadnych spraw koronnych, abo Litewskich i pojechali byli na zamek zarazem, ale się zasię na moście wrócili, dowiedziawszy się, iż dla tej sprawy unij byli obesłani. У Дзял. стр. 61. Данъ отвѣтъ посламъ отъ короля, его милости, что король, его милость, ничѣмъ не пренебрегаетъ касательно уніи, что только слѣдуетъ ему дѣлать. А что касается того, что ваши милости просите, чтобы король послалъ за ними (литовцами), то король уже два раза посылалъ за ними. Но не смотря на то, король приказалъ г. маршалу еще разъ послать къ каждому изъ нихъ, чтобы пріѣхалъ (къ королю), и ѣздили сенаторы къ каждому особо. Отъ нихъ (литовцевъ) данъ отвѣтъ черезъ г. Каштеляна Лѣнчкаго, что они какъ вѣрноподданные желаютъ пріѣхать къ королю, но только лично къ нему, своему государю, а не для какихъ нибудь дѣлъ польскихъ или литовскихъ и поѣхали было къ замку всѣ вмѣстѣ, но на мосту повернули назадъ, догадавшись, что были приглашены для дѣла уніи.

* У Дзял. стр. 113—116. По рукописи. діар. подъ 15 ч. марта.

** Пунктъ 14 посольск. постановл. Zdrowie pańskie, nad które nie mamy nic milszego dobrze opatrzyć. Рук. діар. подъ 3 ч. Марта..... Co się tycze unij (говорили сенаторы къ посламъ польскимъ) jakość je napisali in toga et armis, tedy raczcie W. Mości wiedzieć, że na exequutia tey unij już musi być zajechaniem samej osoby K. J. Mości do Litwy, które jechanie potrzeba dobrze opatrzyć, jakoż dalibóg nie vątpimy w tym, iż P. Bóg nas nie opuści, że dalibóg dobrą radą damy królowi J. Mości. Potrzeba tedy, gdyż Król J. M. tam pojedzie, aby miał ludzie około siebie polskie y niemało ich.... Тамъ же. Обезопасить жизнь короля, больше которой у насъ нѣтъ ничего дороже.... Что касается до unij (говорили польскіе сенаторы своимъ посламъ), о которой ваши милости написали, что ее нужно привести въ исполненіе силою закона и оружіемъ, то благоволите ваши милости узнать, что, дабы привести въ исполненіе эту унію, нужно будетъ королю двинуться туда (въ Литву), и что по этому

ся объявить отъ своего имени актъ, составленный и утвержденный поляками, тѣмъ болѣе, что поляки, чтобы побудить его къ этому, подняли очень щекотливый вопросъ объ отчетности въ употребленіи государственныхъ суммъ, но ѣхать въ Литву и силою приводить въ исполненіе самому беззаконный и ненавистный для литовцевъ актъ уніи,— это было уже слишкомъ для мягкаго, гуманнаго Сигизмунда-Августа. Впрочемъ и сами поляки сейчасъ увидѣли, что и этотъ планъ неудобенъ. Не говоря уже о томъ, что отправляясь въ Литву съ цѣлію привести унію въ исполненіе безъ всякихъ церемоній, можно было подвергнуться разнымъ случайностямъ, необходимо было еще для этой поѣздки собрать деньги. Поляки всегда были чувствительны къ своимъ карманамъ; по этому они предпочли поступить слѣдующимъ образомъ: оставляя какъ бы въ сторонѣ собственно Литву, рѣшились обрѣзать ее отъ русскихъ, малороссійскихъ областей, т. е. обезсилить ее такъ, чтобы она поневолѣ уже сама слилась съ Польшей. Къ этому они приступили со всѣмъ хладнокровіемъ и разсчитанностію опытнаго убійцы *.

нужно хорошо обезопасить эту поѣздку туда короля, — и мы, ей, ей, несомнѣваемся, что Богъ насъ не оставитъ, ей, ей, дадимъ его милости королю хорошій совѣтъ. По этому, такъ какъ король поѣдетъ туда, то нужно, чтобы при немъ были польскіе люди и даже не малое ихъ число....

* У Дзял. стр. 74 — 78, по рук. діар. подъ 4 ч. Марта. Сущность этихъ разсужденій, о войнѣ, о поѣздкѣ короля, великолѣпно выразилъ маршалъ сеймовый въ слѣдующихъ словахъ: By były nie złości ludzkie, nie trzebaby było prawa. *Tego* (teraz?) prawa trzeba. Exequutij jest prima pars unia, tego popierać musicie W. Mości i małe i wielkie media pokusić, a turpe est fieri per plura, quod fieri potest per pautiora. Hoc bellum cunctis jest rzecz straszliwa i rozumiem to z W. Mości iż pana, że W. Moście nie pragniecie tego, aby już prawie denunciare bellum jako hostibus, bo gdzieby już do tego przyiść miało, tedyby

Прежде всего они потребовали себѣ слабую и беззащитную жертву—область такъ называемую Подлясье, южное полѣсье Бѣловѣжской пущи. Король издалъ универсалъ о присоединеніи этой области къ Польшѣ. Посламъ ея назначенъ короткій срокъ явиться на сеймъ, присяг-

---

trzeba już zarazem, a tamten, który już wie o tem, już więc każdej desperacyi kusi. A leć to Król J. Mość rozumie, że tam pierwiej trzeba bytności pańskiej, a tak być, żeby Król J. Mość mógł to uczynić: a niechcesz, musisz, a tak o temby się starać, aby Król J. Mość mógł tam cum dignitate pracentia sua być. Łączyć exequutij niechcę, jeno generaliter legum exequutij chcę. Nie mamy nic pewnego w prawach, przywilejach i macie ta in dubio prawa swe ostawić, bo to się wszystko pomieszało. Dum tempus habemus operenur bonum. By nic innego nie było jeno smierć, tedy mamy na co się oglądać, a rozjedzimyliście tak, różnicą i swe rzeczy wszystkie zostawiwszy, Pan Bóg wie, jeśli nam czas taki przyjdzie...... Około unij to bych ja wolał, aby te wszystkie pieniądze które są in paratis, tak reszty poborów, jako i czwartej części, na to były obrocone, czwarte części za dwie lecie, sami też być in armis. Księża też z nami. Braciejbym to ganił, kiedy by Król J. M. miał się ruszyć do Litwy wojną; ale żeby było kilka tysięcy ludzi, a król też z pocztem polnym aby się ruszył, a my żebyśmy też byli in paratis. Дзял. стр. 77—78. Еслибы не злоба людская, не нужно бы было прибѣгать къ праву. Теперь нужно опереться на право. Главною цѣлью экзекуціи (для Литвы)—унія. На это вы должны налегать и попробовать и малыхъ и большихъ мѣръ, но постыдно дѣлать большими средствами то, что можно сдѣлать малыми. Эта война (съ Литвой) всѣмъ страшна и я вижу по васъ и о королѣ думаю, что не желаете того, чтобы уже почти объявить имъ (литовцамъ) войну, какъ врагамъ, потому что если такъ, то нужно ужъ дѣйствовать рѣшительно; между тѣмъ тотъ, который уже знаетъ объ этомъ, рѣшится на всякое отчаянное средство. Но король полагаетъ, что прежде нужно ему самому быть тамъ, и быть такъ, чтобы можно было привести въ исполненіе такую мысль: «не хочешь? Такъ долженъ же!» По этому нужно позаботиться, чтобы король могъ тамъ (въ Литвѣ) быть съ достоинствомъ. Присоединять къ этому сборъ денегъ съ имѣній не хочу—хочу просто исполненія законовъ.

путь и засѣсть вмѣстѣ съ поляками *. Многіе полѣшане, обезсиленные перемѣшаннымъ съ ними мазовецкимъ польскимъ племенемъ, не говоримъ уже вообще о сосѣдствѣ Польши, не прочь были слиться съ нею. Къ этому ихъ еще болѣе располагала раздражительная надменность управлявшихъ ими Литовскихъ аристократовъ, которые видно обращались съ ними очень нецеремонно **. Но были и такіе, которые не желали союза съ Польшей, а всѣ вообще сильно боялись

Мы не имѣемъ ничего вѣрнаго въ законахъ, привиллегіяхъ и если ихъ оставите въ сомнѣніи, то все придетъ въ замѣшательство. Пока имѣемъ время, будемъ трудиться хорошо. Если дѣло дойдетъ до крайности, тогда еще будетъ за что взяться, но если разъѣдемся, оставивъ такъ раздоры и всѣ наши дѣла, то Богъ еще знаетъ, будетъ ли намъ еще такое время. Что касается до уніи, то я желалъ бы, чтобы на это умно обращены были всѣ тѣ деньги, которыя готовы — остатки податей и четвертой части (четвертая часть съ доходовъ отъ королевскихъ имѣній) четвертую часть назначить за два года, а самимъ быть готовыми къ оружію. Духовенство должно тоже тянуть съ нами. Я осуждалъ бы братію, если бы король двинулся въ Литву войной; но пусть будетъ нѣсколько тысячъ войска, а король пусть ѣдетъ въ сопровожденіи полевой свиты, а мы должны быть тоже готовы къ походу.

* У Дзял. стр. 71—72, рук. 101 — 102. Conclusum iść do Króla J. M. prosić, aby podlasianie przod zasiedli. Рук. діар. подъ 4 ч. марта. Идти къ королю и просить, чтобы прежде засѣдали съ нами полѣшане.

** Prosiemy, говорятъ полѣшане польскимъ посламъ, abyści W. Mości w to się włożyli, aby niewola przed się Litewska nad nami nie była рук. Дзял. подъ 13 Апрѣля.... przywilejowi naszemu (на унію) nie dosyć się dzieje, говорили въ послѣдствіи тѣ же полѣшане, z nas żydówskie angarye nie są złożone i insze co na nas Litwa nakładła, wszakoż będzcie W. Mości nas pewni żeśmy są W. Mości bracią. Nie wątpiemy też w tym, iż W. Mości pomożecie do tego, iż to niewolśtwo Litewskie będzie z nas złożono, gdyż my dla wolności polskich dobrowolnie jesteśmy przystali, bo y Wołyńscy, gdy to usłyszą snadniey dadzą się do

литовцевъ *. Поляки рѣшились преодолѣть и этотъ страхъ и это нежеланіе. Мы уже говорили, что государственныя земли литовскаго княжества признавались, по литовскому феодальному праву принадлежащими литовскому князю, и что Сигизмундъ Августъ напомнилъ это литовцамъ и потребовалъ части ихъ доходовъ въ свою королевскую кассу — доходовъ, такъ называемыхъ столовыхъ. По польскому же праву государственныя земли не составляли собственности короля, которому предоставлены были особыя, собственно такъ называемыя королевскія имѣнія. Поляки воспользовались этимъ различіемъ и объявили, что если Полѣсье присоединится къ Польшѣ, то будетъ избавлено отъ платежа столовыхъ **; но чтобы подкрѣпить это преимущество, объявили, что всѣ непріѣхавшіе на сеймъ, будутъ лишены должностей, соединенныхъ обыкновенно съ поземельнымъ владѣніемъ ***. Полѣшане пріѣхали, соглашались соединиться съ Польшею, только бы поляки утвердили обѣщанное от-

---

tego przywieść, iż przystaną gdy my będziemy swobodni. Рук. діар. подъ 15 ч. апрѣля. Просимъ вашихъ милостей, говорили полѣшане полякамъ, позаботиться о томъ, чтобы прежняя наша неволя литовская не существовала... Наша привиллегія на унію не исполняется, говорили послѣ тѣ же полѣшане, съ насъ не сняты жидовскія тягости, наложенныя на насъ Литвой, однако будьте ваши милости увѣрены, что мы ваша братья. Не сомнѣваемся, что ваши милости поможете намъ сложить съ насъ эту литовскую неволю, такъ какъ мы добровольно пристали къ вамъ ради польскихъ льготъ и волыняцы легче будутъ склонены къ тому, что пристанутъ, если мы будемъ свободны.

* Увидимъ то же, что многіе изъ нихъ не хотѣли присягать, а что касается до боязни ихъ литовцевъ, то объ этомъ въ рукописныхъ діаріушахъ говорится нѣсколько разъ; подъ 5, 9 ч. марта. Są in periculo od pp. Litewskich. Они въ опасности отъ вельможъ литовскихъ.

** Дзял. стр. 75, 5 пунктъ.

*** Дзял. стр. 82; рук. подъ 3 ч. марта.

мѣненіе взноса въ придворную кассу, и защитили ихъ отъ литовцевъ *. Поляки потребовали у полѣшанъ вѣрить имъ и заставили присягать. Положеніе полѣшанъ было очень жалкое, но поляки рѣшились довести его до nec plus ultra. Между полѣшанами въ Люблинѣ оказался одинъ, который былъ здѣсь какъ частный человѣкъ, занимавшій когда-то должность писаря (секретаря) и владѣвшій староствомъ мельницкимъ, которое, казалось ему, не ставитъ его въ положеніе государственнаго человѣка, потому что онъ заплатилъ за него королю не мало денегъ. Поляки узнали, что онъ либеральничаетъ, трунитъ надъ уніей, и поспѣшили поглумиться и надъ нимъ, заставили присягать. Помилуйте, говорилъ онъ, я не имѣю на себѣ никакого полномочія, не несу никакой государственной должности, я частный человѣкъ и пріѣхалъ сюда такъ-себѣ. Ничего это не значитъ, отвѣчали поляки, извольте присягать на унію съ Польшей, и заставили присягнуть **. Присягали даже

* Дзял. стр. 84; рук. подъ 5 и 9 марта.

** Wystąpiwszy Matiszek, pisarz, starosta Mielnicki, obmawiał się przed Królem J. Mością, iż on nie jest żadnym dignitarzem i urzędnikiem ani posłem, iż panowie posłowi przysięgli, tedy to uczynili, jako powinni k temu dokładał, iż tylko dzierzy starostwo mielnickie, na które dał nie małą summę na wyciągnienie Króla J. Mości do wojska tak rok. Obmawiał się też, jako o nim ten głos puszczają, żeby on miał rozparać ten akt unij, opowiadając, że i owszem jeszcze do tego namawiał, aby doszła i świadczył panem Chorążym i panem Kosinskim, a prosił, aby Król J. M. nie raczył do tego cisnąć, ponieważ przysięgał dwakroć, raz na sekretaryą, drugi raz na starostwo, J. K. Mości onemu Państwu R. P. (Литвѣ). Prosił aby go Król J. Mość do czasu w tem tak zastawić raczył, obecując nie odjechać nigdzie, z dworu J. K. Mości, tylko żeby mu dobrey estimacyi tém się nie naruszało ponieważ on tamtemu państwu (Литвѣ) raz przysiągł, ale kiedy drudzy będą, a mnie się to opatszy, żeby mi to złego mniemania y sumienia nie obrażało, tedy się tego nie zbronię. Дзял. стр. 85. У Дзялынскаго дальше сказано только, что ему отвѣтили: это не будетъ проти-

нѣкоторыя женщины — вдовы чиновниковъ, пользовавшіяся частію чиновничьихъ земель.

ворѣчить совѣсти; но по рукописнымъ діаріушамъ, это комическая исторія продолжена дальше и заключена траги-комедіей слѣдующаго рода: Potym K. J. M. kazał się zaś panom znišć do siebie y tam rozmowiwszy się ten dekret uczyniono: J. K. M. N. M. Pan widząc powinność swoję,ześ powinien przysiądz, roskazować ci raczy abyś przysiągł. Wszakoż iż niechcesz obrazić conścientij swojej, a niechcesz przysiądz, tedy cię zostawuje przy konścientij, a starostwo wezmie, potym on zaś jął prożby czynić i obmowy wielki, ale p. Kanclerz nie dał mówić, jedno co począł mówić to mu p. Kanclerz rzekł: podźże, chceszli y drugi raz mu rzekł podźże. Po tym pan Matyszek wolał przysiądz, a przy starostwie się zastać. Рук. діар. подъ 9 ч. марта. Выступилъ Матишекъ писарь, староста Мельницкій и объяснялся передъ королемъ, его милостію, что онъ не сановникъ, ни чиновникъ, ни посолъ, что господа послы присягнули, это они сдѣлали по обязанности. Прибавлялъ къ этому, что онъ только держитъ Мельницкое староство, но за него далъ не малую сумму денегъ на подъемъ короля къ войску, тому годъ. Объявлялъ также, что объ немъ говорятъ, будто онъ распарываетъ этотъ актъ уніи, но это не правда, напротивъ, онъ еще склонялъ другихъ, чтобы унія совершилась, бралъ въ свидѣтели господина хорунжаго и господина Косинскаго и просилъ, чтобы король, его милость, не принуждалъ его къ этому, потому что онъ уже два раза — разъ на секретарство, другой на староство присягалъ королю, его милости, и тому государству рѣчи посполитой (литовской). Просилъ, чтобы король, его милость, до времени оставилъ его такъ, обѣщалъ, что никуда не уѣдетъ изъ дворца короля, его милости, только бы не вредить своему доброму имени, такъ какъ онъ уже присягалъ тому государству; но когда другіе прибудутъ и я увижу, что это не повлечетъ дурнаго мнѣнія и не оскорбитъ совѣсти, тогда не откажусь отъ присяги.» — У Дзялынскаго дальше сказано только,—что ему отвѣтили: это не будетъ противорѣчить совѣсти; но по рукописнымъ діаріушамъ, эта комическая исторія продолжена дальше и заключена траги-комедіей слѣдующаго рода: «Послѣ этого король, его милость, приказалъ сенаторамъ сойтись около него, и когда поговорилъ съ ними, сказано было такое рѣшеніе: его королевская милость, государь нашъ милостивый, видя, что ты обязанъ присягнуть, считаетъ себя обязаннымъ приказать тебѣ присягать. Однако, такъ какъ ты не хочешь оскорбить своей совѣсти и присягнуть, то король оставляетъ тебя при твоей совѣсти, а староство отниметъ. Послѣ этого онъ кинулся опять

Вся эта настойчивость польская имѣла серьезную цѣль. Она была направлена собственно противъ литовцевъ и незамедлила ихъ коснуться. Поляки потребовали, чтобы всѣ литовцы, занимавшіе должности въ Полѣсьи присягали на унію или шли вонъ изъ Полѣсья *. Мы не знаемъ сколько при этомъ разыгралось жалкихъ сценъ, но знаемъ одну величественную сцену. Въ Полѣсьи имѣлъ пожалованныя земли литовскій вице-канцлеръ Евстафій Воловичъ, извѣстный намъ защитникъ литовской независимости, оставшійся въ Люблинѣ для наблюденія за дѣлами. Отъ него тоже потребовали дать присягу. Давалъ уже присягу Литвѣ, отвѣчалъ онъ, и другому государству присягать не буду. Такъ вы теряете въ этой странѣ ваши государственныя земли. Берите ихъ, отвѣчалъ онъ, а присягать не буду **.

умолять и дѣлать длинныя оправданія; но господинъ канцлеръ не далъ ему говорить. Только онъ началъ говорить, какъ господинъ канцлеръ сказалъ: поди же! Хочешь? и второй разъ сказалъ: поди! Тогда господинъ Матишекъ предпочелъ присягнуть, только бы остаться при староствѣ.

* Дзял. стр. 85; рук. діар. подъ 9 ч. марта.

** Дзял. стр. 86 — 90. Рук. діар. подъ 9 ч. Мярта. По рук. р. Starosta Badziejowski говоритъ: jeśli ten (Воловичъ) nie przysięże, tedy i drudzy tu nie przyjadą, jeśli przysięże, tedy i po drugie mało trzeba będzie słać, wszyscy tu będą, bo się nań wszyscy oglądają, też i obrona stadnieysza będzie podlasiu, kiedy ten przysięże, bo się wszystka Litwa musi nań oglądać, wiele ich powlecze za sobą. Onoć to co muchi powięzli a bąk się przebił. Bog by się pożal przysjąg drugich, jeśliby ten przysiądz nie miał.... P. Ossoliński te rzecz uczynił do panów: M. panowie, widzę ja słuszne przyczyny panów posłów, które dają iż powinien przysiądz, bo dają.... też przyczynę, iż ten p. Ostafiej (Воловичъ) jest przyczyną rozerwania unij, jako tedy niema przysiądz, dzierżąc dzierżawy wielkie, będzie suspectus koronie, jeśli że ci dobrowolnie przystali przysięgli, którzy nie byli in suspitione, daleko więcej powinień ten przysiądz, który jest in suspitione ex re ipsa, wiemy to wszyscy, iż jest contrarius aktowi temu..... Когда потребовали Воловича къ присягѣ, онъ сказалъ, явившись къ королю: Neyjaśniejszy a M. Królu

Воловичъ дивно отстоялъ честь литовскую, это не могло не воодушевлять его родичей къ борьбѣ столь же упорной

---

zawzdym się tego stszegł, abyś nie przyszedł w sąd ze mną pan Móy, nie przyszedłem tu na żadny sąd, ani też dekretu żadnego mogę odnieść na siebie, ale iż W. Kr. Mc. pomazaniec Boży każesz, powinienem to czynić stanąć tu, przestrzegając wiary swej, iż to słyszę, iż spominają ziemię podlaską, mnie w tej ziemi są dano dzierżawy z osobliwej łaski W. K. Mści za poczciwe me służby, żem przeciw nieprzyjacielowi srogiemu W. K. Mci odpar dał, proszę, abyś W. K. M. w sąd ze mną nie wchodził, gdyżem jest prawem nieprzyciągniony, proszę abyś W. K. M. pomazaniec Boży mnie odesłać z dobrą myślą raczył. A co się tycze o podlasiu proszę abyś W. K. M. zostawił drugie ucho onemu państwu (Литвѣ), ażebym to mógł braci swej oznajmić, bo się tego trzeba dowiedzić, jest to jest ku podlasiu (Polsce?), bo też do tych czasów nie wiemy, aby to było ku koronie. Рук. діар. тамъ же. Когда его все таки принуждали къ присягѣ, Воловичъ сказалъ: Stoję tu przed W. Kr. Mością.... W K. Mości wolno czynić ze mną, co W. K. M. raczysz, ja przysięgać nie mogę. Дзял. стр. 90. Г. староста Радзеевскій говорилъ: если этотъ (Воловичъ) не присягнетъ, тогда и другіе не пріѣдутъ; если онъ присягнетъ, то едва ли и нужно будетъ посылать по кого (изъ Полѣсья), всѣ сюда прибудутъ, потому что всѣ на него оглядываются; съ другой стороны, и защита Полѣсья будетъ вѣрнѣе, когда онъ присягнетъ, потому что вся Литва должна оглядываться на него, многихъ потянетъ за собой. Иначе будетъ похоже на то: мухи завязли (въ паутинѣ), а оводъ пробился. Грѣшно было бы передъ Богомъ, если бы другіе присягнули, а онъ нѣтъ.... (Польскіе сенаторы хлопотали, чтобы оставить Воловича въ покоѣ.) Господинъ Оссолинскій сказалъ такую рѣчь сенаторамъ: вижу, что послы имѣютъ основательныя причины говоря, что онъ долженъ присягнуть, потому что приводятъ также основаніе то, что этотъ г. Евстафій (Воловичъ)—есть причиной расторженія уніи, какъ же ему не присягать, владѣя пожалованіями и будучи подозрительнымъ коронѣ (королевству польскому). Если тѣ (другіе полѣсяне) добровольно пристали и присягали, которые не были въ подозрѣніи (въ невѣрности), то тѣмъ болѣе долженъ присягнуть тотъ, который навлекъ подозрѣніе самымъ дѣломъ, мы вѣдь всѣ знаемъ, что онъ противникъ этого акта (уніи).... Когда потребовали Воловича къ присягѣ, онъ, явившись

съ Польшей; но онъ не отстоялъ правъ литовскихъ. Ихъ поляки нарушили, несмотря на то, что этимъ такъ жестоко оскорбляли такого могущественнаго человѣка. Изъ этого литовцы увидѣли, что поляки не останавливаются передъ крутыми мѣрами. Новое событіе подтверждало и усиливало ихъ опасенія. Присоединяя Полѣсье, поляки въ то же время объявили о присоединеніи къ Польшѣ и Волыни въ одномъ и томъ же универсалѣ * и пока универсалъ разносилъ это новое извѣстіе и требованіе, поляки въ ожиданіи волынцевъ, занялись новымъ дѣломъ насилія, стали принуждать прусскихъ депутатовъ засѣсть на сеймѣ, т. е. слить съ Польшей и Пруссію **. Ждать спокойно ударовъ нельзя было. Литовцы придумали слѣдующее: они отпра-

---

къ королю, сказалъ: свѣтлѣйшій и милостивѣйшій король! Я всегда берегся, чтобы ты, мой государь, не вошелъ со мною въ судъ. Я не пришелъ сюда ни на какой судъ и не могу вынести отсюда никакого приговора надо мной, но такъ какъ ваша королевская милость помазанникъ Божій приказываешь мнѣ, то я, соблюдая вѣрноподданничество мое, долженъ исполнить волю вашу и явиться сюда. Слышу, что здѣсь вспоминаютъ Полѣсскую землю. Мнѣ въ этой землѣ даны пожалованья по особенной милости вашего королевскаго величества за честную службу, за то, что я далъ отпоръ жестокому врагу вашей королевской милости. Прошу вашу королевскую милость не входить со мною въ судъ, потому что я не притянутъ сюда никакимъ судомъ. Прошу вашу королевскую милость отпустить меня отсюда съ вашею доброю обо мнѣ мыслію. А что касается до Полѣсья, прошу вашу королевскую милость оставить другое ухо тому государству (Литвѣ), чтобы я могъ извѣстить объ этомъ мою братію. Нужно узнать, принадлежитъ ли это Польшѣ дѣйствительно, потому что и до сихъ поръ мы не знали, чтобы эта страна принадлежала польскому королевству.» Когда его все-таки принуждали къ присягѣ, Воловичь сказалъ: стою передъ вашей королевской милостію, вы вольны дѣлать со мною, что хотите, но я присягать не могу.

* Рук. діар. подъ 12 ч. марта.

** Рук. діар. подъ 14, 17, 18, 21. Дзял. стр. 108—110, 112.

вили къ полякамъ на сеймъ посольство, которое, разсказавъ исторію сейма до сихъ поръ, представило имъ слѣдующія соображенія. Литовцы искренно желали и желаютъ братскаго союза съ поляками, но видятъ, что поляки дѣйствуютъ вопреки этому желанію и рѣшаютъ вопросъ объ уніи такъ, какъ никому не приходило въ голову. Присоединяютъ, всегда принадлежавшія Литвѣ области Полѣсье и Волынь, о чемъ въ прежнихъ совѣщаніяхъ не было и помину. Безъ этихъ областей Литва будетъ безсильною и сдѣлается жертвою перваго врага. Во избѣжаніе этого бѣдствія и всѣхъ раздоровъ, литовцы предлагаютъ отмѣнить универсалъ о присоединеніи къ Польшѣ Полѣсья и Волыни, назначить новый сеймъ и составить и обсудить новый проектъ уніи литовскаго княжества съ Польшей *. Этотъ смѣлый и неожиданный планъ литовцевъ видно былъ ими глубоко задуманъ и хорошо разсчитанъ на слабыя стороны поляковъ. Большинство пословъ устали и соскучились на сеймѣ. Были и такіе, что и по чисто своекорыстнымъ цѣлямъ желали прекращенія сейма люблинскаго и отсрочки дѣла до другаго сейма. Благодаря всему этому, вдругъ стало формироваться большинство желавшихъ новаго сейма. Но истые польскіе политики того времени сейчасъ же разрушили это неразумное рѣшеніе. Они представили, что если отсрочить дѣло, то унія погибнетъ, что это маневръ литовцевъ, что напротивъ теперь-то и нужно добивать литовцевъ, нужно несмотря ни на что кончить дѣло присоединенія Полѣсья и Волыни,

* Дзял. 129 — 135. Рук. діар. подъ 14 ч. апрѣля. Обширность этой посольской инструкціи литовской не дозволяетъ намъ къ сожалѣнію выписать ее. Читатели, впрочемъ, въ скоромъ времени будутъ имѣть возможность читать ее въ другомъ моемъ трудѣ, приготовляемомъ къ изданію. Ниже мы выписываемъ довольно удачное извлеченіе изъ нея польскаго коронннаго маршала.

тогда литовцы поневолѣ пріѣдутъ и сдадутся. Представленія эти взяли верхъ. Постановлено: продолжать сеймъ,—издать актъ соединенія Литвы съ Польшей и назначить литовцамъ, не избирая новыхъ депутатовъ, пріѣхать на сеймъ въ Люблинъ черезъ шесть недѣль *. Литовцы уѣхали ни съ чѣмъ.

---

* Рук. діар. подъ 14 и 15 ч. апрѣля.

Szli posłowie na gorę. P. Marszałek koronny od wszystkich panów tę rzecz do posłów uczynił: pp. mili posłowie. Jch M. pp. rady za nie małą potrzebą tu W. Mosciów do siebie wezwali, pomnieć raczycie z czym pan Lęcki do WMw. wczora przychodził, iż z tym, z czym tu panowie Litewscy przyjechali, być się miało wyliczać jako wiele napisali na tej karcie zalecenia y też obmówek niewinności i odjechania swego, wielyby czasu wziąść musiało, a to też rzecz by była daremna przypominać, ale J. Mściowie essentialia z czym przyjechali tu w. mściom krótce przypominają. Naprzód tego chcą Litwa, aby się uniwersały, które są wysłane po podlasiu i wołyniu pod pieczęcią koronną, aby posłuszeństwo koronie uczynili i przysięgli, aby były te uniwersały zahamowane, powiedając, iż te ziemie nigdy nie należały do korony jedno do xięstwa, dając też znać, że te rzeczy zaczęte się nieskończyły na co ten sejm przez Króla J. M. za zezwoleniem stanów wszystkich jest złożon. Przeto proszą aby Król J. M. inny sejm złożyc raczył, aby się to skończyło co nieskończyło, a nie tylko Litwie, ale Podlasiom i Wołyniowi i aby im posłać normam unionis albo modum, jakobyśmy unią z niemi mieć chcieli i tam na tym sejmie abyśmy spólnie mówili o tym, jednostajnie rodom J. Mościom zdadzą się być niesłuszne, ani przystojne te ich prośby. Co się tycze uniwersałów podlazia i wołynia aby miały być zahamowane J. Mościom się to niezda i owszem się to J. Mościom zda, aby ich popierać, bo by to było contra dignitatem regis et regni. Około sejmu aby im skradać inne sejmy, nie zda się to J. Mościom być tutum, bo by tym wszystkie sprawy, które się tu stały na tym spólnym sejmie, in dubium musiały by się rewocować, a ten spólny musiałby się wszystke skazić, gdyby się inny złożył, a tak J. Moście tego przestrzegają, aby ten sejm trwał, aby się to dokonało...... Рук. діар. подъ 14 ч. апрѣля. Въ избѣ посольской высказались поляки еще яснѣе и рѣзче. Pan Referendarz z miejsca swego (mówił)....

Дѣло присоединенія Волыни стало на очереди и пошло въ ходъ. Пока литовцы придумывали новыя средства къ спасенію, русскимъ людямъ предстояло теперь

---

doznali tego przodkowi nasi, co za szkody ztąd miewali i my mamy z dilaty takich, bo by byli przodkowi naszi dilacyami w tym akcie nie narabiali tedyby do tego kłopota nigdy nam nie przyszło, ale by byli skoro za Jagiełła wziąwszy przywilej, tego poparli, tak za Alexandra i zawżdy, jako też i w Warszawie iż się rozerwało, jako nam ciężcy było w Parczowie, w Bielsku i tu nakoniec, abyśmy byli w Warszawi nie robili dylacyami, tedybyśmy unią mieli, jeśliż to odłożymy na sejm drugi, wnet ten skazimy, dla tegoć oni tego proszą, aby ten przywilej w niwecz był obrocon, bo powiedzą, a to nas tam niebyło, atoście nam dla tejże rzeczy złożyli inny, toć się tam ta sprawa nie skończyła, a tak to wszystko tedy w niwecz się obroci, dla miłego Boga nie odwłaczajmy tego, zajdą inne rzeczy, przyjdą wojny, też i smierć pańska może przyjść, rozerwie się to, a my jedne pargaminy będziemy mieć. Na toć to uczyniono, aby się te rzeczy pokazały, które mamy od pana, obiecując to W. M. jako przyjdzie na przewlokę, ze wszystkiego nie będzie nic, bo im nie idzie jedno, aby zburzyli ten postępek tego spólnego sejmu. Wolimy tu poczekać, a dowiedzieć się pewney rzeczy, o garło me, pojdzieli na zwlokę, że się w niwecz obroci ta wszystka sprawa..... Еще замѣчательнѣе слова судьи перемышльскаго, который тутъ же послѣ референдарія говорилъ между прочимъ...... z przywilejów mają normę, niechże przyjadą chcąli, a my się im surowie postawny, być byli nie przyjechali, a posłów nie posłali, a to samo by się skazało, iż nie była potrzeba czekać, ale iż widzą że zle uczynili, postąpiono przeciw nim rządnie, to ich przygnało, a na przewlokę pojdzieli, nie będzie z tego nic, bo ich to przygnało, żeśmy statecznie poparli przeciw nim, jednoby trzeba do końca, widzą że Król statecznie przy tym stoi, rada i my, toć ich stracha, a gdy się boją, trwożą się, stojmy stale statecznie przy tym, nie żałując już kosztu żadnego, bo jako się rozjedziemy, panowie osobno, Król osóbno, my osóbno, tedy to wszystko pomyślą aby to rozerwali tę naszą stateczność, doznacie tego, wniwecz się obroci..... тамъ же. Пошли послы на верхъ (къ сенаторамъ), г. маршалъ коронный сказалъ отъ лица всѣхъ сенаторовъ такую рѣчь къ посламъ: господа, дорогіе послы! Господа сенаторы призвали васъ къ себѣ не по маловажному дѣлу. Изволите помнить, съ какимъ

показать свою энергію и свою связь съ чистыми литовцами.» Имъ пришлось рѣшить очень трудный вопросъ. Они тогда очень слабы были народною силою. Казаки, славные

дѣломъ приходилъ къ вамъ вчера г. Ленцкій, именно съ тѣмъ, съ какимъ пріѣхали сюда литовскіе сенаторы. Если бы исчислять, какъ много они написали на той бумагѣ (инструкціи) изъявленій дружбы и оправданій своего отъѣзда (съ сейма), это потребовало бы много времени и напрасно было бы припоминать все это, но гг. сенаторы припоминаютъ вамъ сущность того, съ чѣмъ они сюда пріѣхали. Прежде всего Литва желаетъ, чтобы тѣ универсалы, которыя посланы на Полѣсье и Волынь за печатію коронною, съ требованіемъ повиноваться коронѣ и присягнуть, были отозваны, говоря, что тѣ земли никогда не принадлежали Польшѣ, а только литовскому княжеству, заявляя при томъ, что тѣ дѣла (унія), для которыхъ этотъ сеймъ, за согласіемъ всѣхъ чиновъ, созванъ королемъ, начавшись, не кончились; по этому просятъ, чтобы король, его милость, назначилъ другой сеймъ, чтобы не конченное окончилось и назначилъ сеймъ не только Литвѣ, но такъ же Полѣсью и Волыни, и чтобы имъ послать образецъ или способъ уніи, какую мы хотимъ имѣть съ ними, и чтобы на томъ, будущемъ сеймѣ, мы разсудили объ этомъ. Всѣмъ ихъ милостямъ, сенаторамъ, одинаково кажется, что эти просьбы ихъ не резонны и не приличны. Что касается до того, чтобы отзывать универсалы на Полѣсье и Волынь, то не думается ихъ милостямъ, сенаторамъ, чтобы это дѣлать; напротивъ ихъ милости полагаютъ, что нужно настаивать на исполненіи этихъ универсаловъ, потому что было бы противно достоинству и короля и королевства отозвать ихъ. Касательно сейма: созывать имъ другой сеймъ — ихъ милостямъ не кажется безопаснымъ, потому что тогда бы всѣ дѣла, которыя тутъ рѣшены на этомъ общемъ сеймѣ, были бы подвергнуты сомнѣнію и подорванъ былъ бы весь этотъ сеймъ, если бы созвать другой; по этому ихъ милости озабочиваются, чтобы этотъ сеймъ продолжался, чтобы дѣло уніи окончилось.— Въ избѣ посольской поляки высказались еще рѣзче. Г. референдарій (докладчикъ) говорилъ съ своего мѣста: испытали наши предки, да и мы сами, какой вредъ вышелъ изъ этихъ отсрочекъ, потому что если бы наши предки не пускались въ этомъ актѣ (уніи) на отсрочки, то никогда бы не дошло дѣло до такихъ хлопотъ, какія теперь имѣемъ; но если бы они, за Ягеллы, какъ только получили привиллегію (городельскую), налегли на исполненіе ее, такъ же точно и за Александра, и всегда, такъ и въ Вар-

защитники роднаго дѣла въ послѣдствіи, теперь находились въ хаотической несознательности своихъ цѣлей по отношенію къ Польшѣ и народному дѣлу своей страны. Въ

шавѣ, потому что какъ расторглось дѣло въ Варшавѣ (1563), то намъ уже труднѣе оно было и въ Парчевѣ, и въ Бѣльскѣ (на сеймахъ), и здѣсь наконецъ; если бы мы не дѣлали дѣла отсрочками, то мы уже имѣли бы унію. Если теперь отложимъ ее до другаго сейма, то сейчасъ подорвемъ этотъ сеймъ; съ тою цѣлью литовцы и просятъ другаго сейма, чтобы обратить въ ничто привиллегію на унію настоящаго сейма, потому что тогда они скажутъ: вѣдь насъ тамъ (въ Люблинѣ) не было, вѣдь вы для этого дѣла созвали намъ другой сеймъ, это дѣло тогда не кончилось, — такимъ образомъ тогда все это пойдетъ ни во что; ради Бога, не будемъ откладывать, пойдутъ другія дѣла, войны, можетъ также случиться смерть государя, разрушится унія, а мы будемъ имѣть только пергаменты (грамоты). Для того мы и сдѣлали это (универсалъ люблинскій), чтобы показать тѣ права на Литву, которыя имѣемъ отъ короля. Предсказываю вашимъ милостямъ, что какъ только пойдетъ на проволочку, то ничего не будетъ изъ всего, потому что литовцы хотятъ одного, лишь бы какъ нибудь прервать продолженіе этого общаго сейма. Лучше намъ здѣсь подождать и узнать ужъ что либо вѣрнѣе. Горломъ ручаюсь, что если пойдетъ на проволочку, въ ничто обратится все это дѣло.... Еще замѣчательнѣе слова судіи перемышльскаго, который тутъ же послѣ референдарія говорилъ между прочимъ... норму уніи имѣютъ (литовцы) въ привиллегіи (люблинской); пусть же пріѣзжаютъ, если хотятъ, а мы должны выступить противъ нихъ сурово. Если бы они теперь не пріѣхали и не прислали пословъ, то изъ этого было бы явно, что не нужно было бы ждать; но такъ какъ они видятъ, что поступили дурно (удалившись съ сейма) и поступлено противъ нихъ рѣшительно, то это ихъ и пригнало сюда. А пойдетъ на проволочку, не будетъ изъ этого ничего, потому что ихъ пригнало сюда то, что мы повели дѣло противъ нихъ твердо. Теперь нужно только дѣйствовать такъ до конца. Видятъ, что на этомъ твердо стоитъ король, сенатъ и мы, это ихъ и пугаетъ, а боясь безпокоятся; будемъ же стоять твердо, рѣшительно при этомъ дѣлѣ, не щадя никакихъ издержекъ, потому что когда разъѣдемся и король будетъ особо, мы особо, тогда они придумаютъ все, чтобы расторгнуть эту нашу единодушную твердость; увидите, все обратится ни во что.

понятіяхъ мирныхъ жителей югозападной Россіи того времени они стояли на одномъ счету съ татарами и также были страшны имъ. Значитъ рѣшеніе вопроса о соединеніи съ Польшей должно было послѣдовать по мимо козаковъ, изъ среды не козаческаго населенія этой страны и очевидно должно было много зависѣть прежде всего отъ передовыхъ людей югозападной руси. Во главѣ этихъ передовыхъ людей стояли слѣдующія лица:—князь Острожскій, князь Романъ Сангушко, князь Александръ Чарторижскій, князья Константинъ, Михаилъ и Андрей Вишневецкіе и князь Богушъ Корецкій. Увы! теперь не то было, что во времена Михаила Глинскаго. Теперь эти послѣдніе видные дѣятели древней южной Руси показали себя поразительно слабыми. Впрочемъ, главныя причины ихъ ослабленія таковы, что надъ нимъ нельзя не задуматься. Ихъ аристократизмъ не имѣлъ такихъ твердыхъ преданій, какъ аристократизмъ литовскій. Имъ странно было дѣйствовать во имя его такъ сильно, какъ литовцы. Съ другой стороны, аристократизму малороссійскому вовсе не представлялась та опасность со стороны боярства, какой боялись литовцы, потому что боярство здѣсь было несравненно слабѣе, чѣмъ въ Литвѣ. Передъ нимъ, слабымъ по преданіямъ и сильнымъ по отсутствію опасности со стороны боярства, аристократизмомъ, была почти сплошная масса народа, не имѣвшая тогда въ его глазахъ значенія. Въ этомъ отношеніи, малороссійскіе аристократы заплатили дань своему вѣку равно съ литовскими аристократами, но съ тѣмъ различіемъ, что за этою уплатой у нихъ не оставалось почти ничего. Къ противодѣйствію Польшѣ—собственно говоря, ихъ вызывало только одно сильное и сознанное чувство, высказанное по рукописному діаріушу княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, но безъ сомнѣнія высказываемое такъ же и кня-

земъ Острожскимъ и Чарторижскимъ,—это опасенія за вѣру *. Но и оно было успокоено обѣщаніемъ свободы вѣры **. Такимъ образомъ у малороссійскихъ аристократовъ не было сознанныхъ и сильныхъ побужденій отрѣшиться отъ Польши, а между тѣмъ, независимо отъ всякихъ отношеній къ ней, были побужденія предпочитать союзъ съ этой страной союзу съ Литвой. Русскія области больше всѣхъ страдали отъ татаръ и къ нимъ гораздо скорѣе могла поспѣть помощь польская, чѣмъ литовская. Нужно вспомнить, что такое тогда были татары, какъ они опустошали эту благодатную страну, чтобы понять, какъ естественно было южно-руссамъ желать ослабы съ этой стороны и тянуть къ Польшѣ, не смотря на всѣ опасенія этого союза, сдѣлавшагося вскорѣ хуже всѣхъ татарскихъ нашествій. Это предпочтеніе польскаго союза литовскому, имѣвшіе значеніе у всего населенія Малороссіи, получало особенный смыслъ въ глазахъ малороссійской аристократіи.

Мы уже говорили, что послѣ Глинскаго, Малороссія

---

* Tak też (prosimy) iżeśmy są różnej religji, a zwłaszcza grekowie, abyśmy tym nie byli poniżeni, aby nikt do inszej religij nie był przyciągany, a iż już widzimy wolą a roskazanie W. Kr. M. abyśmy przysięgli, tedy prosimy dylacyj do kilka dni abyśmy dziś nie przysięgali, poczekali braciej swej drugiej, który przyjadą abyśmy ich tym nie obrazili że bez nich przysięgamy, innych prożb czynili (wiele), które się tu nie pisały bo niepotrzebne były drugie, рук. діар. 24 ч. Мая. То же просимъ о томъ, — такъ какъ мы люди особой вѣры, особенно греки (греч. прав. вѣроисповѣданія), то чтобы за это мы не были унижаемы, чтобы никто не былъ притягиваемъ къ другой вѣрѣ и такъ какъ мы видимъ, что, воля и приказъ короля, — чтобы мы присягали, то просимъ, чтобы намъ сегодня не присягать, но чтобы дано было нѣсколько дней отсрочки, чтобы намъ подождать другихъ нашихъ братій, которые намѣрены пріѣхать, чтобы намъ ихъ не оскорбить, что безъ нихъ присягаемъ, и просили о многомъ другомъ, что здѣсь не написано (говоритъ составитель діаріуша), *потому что не нужно было?!*

** Volumina legum т. 2. стр. 80—87.

обѣднѣла русскими людьми. Ихъ стали замѣнять литовцы, т. е. затрогивать интересы остававшихся русскихъ людей. Перемѣна эта въ жизни малороссійской была особенно чувствительна тѣмъ, что такимъ образомъ набиралось въ Малороссіи много боярства литовскаго, которое грозило ослабить и малороссійскую аристократію. Поляки видно хорошо понимали эту слабую сторону малороссійской жизни и сдѣлали распоряженіе, чтобы всѣ литовцы были удалены изъ русскихъ областей *. Этимъ они не только удовлетворяли интересамъ малороссійской аристократіи, но и уничтожали ту поддержку, какую могли оказывать литовцы малороссійскому боярству, не имѣвшему тѣхъ предубѣжденій противъ Литвы, какое имѣли ихъ аристократы.

Защита независимости Малороссіи оперлась такимъ образомъ на слабомъ, несознавшемъ своихъ силъ тамошнемъ боярствѣ. Поляки позаботились ослабить его еще болѣе. Когда рѣшено было присоединить къ Польшѣ Волынь, возникъ вопросъ, какъ собрать представителей этой страны. Естественно было, какъ и высказывали нѣкоторые, избрать депутатовъ посредствомъ сеймовъ. Но это значило собрать въ одно всѣ общественныя силы Малороссіи и дать имъ возможность сознать свое значеніе. Поляки никакъ не думали, что этимъ путемъ выработается согласіе Волыни на слитіе съ Польшей и предпочли, не созывая сеймовъ, призвать въ Люблинъ вмѣсто депутатовъ Волыни чиновниковъ, которымъ для внушенія большей покорности объявлено, что если не поѣдутъ, то будутъ лишены должностей **.

Казалось, вся эта охота за малороссійскимъ желаніемъ слиться съ Польшей должна была найти всѣ необходимыя ей жертвы, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло не такъ. Жертвъ

* Дзял. 69, мнѣніе Сеницкаго 71, заключеніе маршала.

** Дзял. стр. 82; рук. діар. подъ 8 ч. марта.

оказалось слишкомъ мало, потому что многія, явно уже обрѣченныя на гибель въ польскихъ объятіяхъ, думали еще ускользнуть отъ нихъ *. Они призвали на помощь всѣ недуги человѣческіе—лихорадки, простуды и объявили, что ради нихъ не могутъ пріѣхать въ Люблинъ **. Но поляки совершенно справедливо думали, что гигіеническое состояніе Малороссіи гораздо лучше, да и каково бы оно ни было, не должно мѣшать соединенію этой страны съ Польшей. По этому они назначили коммиссаровъ и послали ихъ освидѣтельствовать больныхъ и если они даже дѣйствительно больны, то взять съ нихъ подписки на унію ***. Неизвѣстно, многихъ ли коммиссары нашли больными, но вѣрно, что они вылѣчили не многихъ. Все таки въ Люблинъ пріѣхали не многіе волынцы, да и тѣ смутили сеймъ новаго рода болѣзнію. Они объявили, что жизнь ихъ и всѣхъ, кого зовутъ поляки, въ опасности, что *народъ* грозитъ растерзать ихъ за унію, что по этому необходимо принять мѣры къ безопасности тѣхъ Малороссовъ, которые будутъ утверждать слитіе Волыни съ Польшей ****. Памятники наши не говорятъ, какія были придуманы теперь дѣйствительныя мѣры противъ этой новой болѣзни, сдѣлавшейся спустя столѣтіе неизлечимой. Вѣрно,

---

* Рук. діар. подъ 14 апрѣля, 20.

** Дзял. стр. 128. Даже луцкій латинскій епископъ не хотѣлъ пріѣхать на сеймъ и отговаривался болѣзнію, потому не хотѣлъ, сказано въ рук. діаріушѣ, что былъ русинъ; это видно изъ того, что прислалъ письма къ королю, писанныя не по латинѣ или по польски, а по русски. Biskupowi Łuckiemu, aby imiona pobrano, gdyż niechciał przyjechać, ani się znaczy z listu jego, aby miał wolą przyjechać, gdyż też jest rusin, bo się to znaczy iż do W. Kr. M. niepisał listu ani po łacinie, ni po polsku, jeno po rusku. Подъ 4 ч. Апрѣля.

*** Дзял. стр. 128, мнѣніе пословъ.

**** Дзял. стр. 164—165.

приняты были какія либо палліативныя средства, потому что было объ этомъ разсужденіе *. Впрочемъ, не эти средства сломали окончательно упорство Малороссіянъ. Имъ приказали присягать именемъ короля, а это у Малороссовъ имѣло такую силу, что побѣдило, всѣ замыслы ихъ упираться. Ихъ монархизмъ, ихъ преданность государю, были такъ сильны, что они всѣ свои возраженія противъ уніи съ Польшей заключили такъ: однако волю государя готовы исполнить. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, они оказались болѣе русскими, чѣмъ воображали ихъ поляки и даже литовцы. Можно даже сказать, что это было главною причиной слабаго противодѣйствія Малороссіи Люблинской уніи и отразилось на всѣхъ дѣлахъ литовцевъ. Сознаніе своихъ правъ, поднятое литовцами до такой высоты, что они отвергали и самодержавіе и даже и наслѣдственность своихъ государей, рѣшительно парализировалось этимъ безграничнымъ повиновеніемъ малороссовъ своему государю, даже такому, который такъ жестоко предавалъ ихъ полякамъ. Литовцамъ никакъ не удавалось сдвинуть малороссовъ съ этого пункта.

Поляки помогли имъ на время поставить малороссовъ на литовскаю точку зрѣнія. Не довольствуясь волынскою областію, они потребовали еще кіевскую и главнымъ образомъ Кіевъ, о которомъ стали разсуждать съ особенною заботливостію на ту тему, что если его оставить въ рукахъ литовцевъ, то имъ непримѣтно завладѣетъ московское государство **. Надмѣнная, торжествующая уже самоувѣрен-

* Дзял. стр. 165.

** Nuncij inter se deliberant, ac concludant regem esse ac senatum rogandum ut Kijovia sine mera regno adducatur ac palatinus Kijoviensis ad juramentum adigatur, quum ipsi Volhynij asserunt sine Kijovia miseram conditionem Volhyniae fore cum Litvanis ipsa porta reliquatur ad inducendos in Volhynjam livore et malevolentia ducti

ной кожи. Не улыбки львиц, здѣсь такъ расплодившихся, не ничтожная честь показываться въ ихъ салонахъ, а любовь и уваженіе въ толпѣ скрывающихся достойныхъ согражданъ были бы ихъ наградою. Почтенныя имена, пріобрѣтаемыя одними истинными заслугами и полезными трудами, сдѣлали бы ихъ болѣе извѣстными современникамъ и, можетъ быть, потомству. По ходу дѣлъ, можно предсказать, что оно будетъ судить иначе. Не возможно, чтобъ все оставалось, какъ нынѣ; нельзя, чтобъ за безтолковымъ броженіемъ умовъ не послѣдовалъ благоразумный устой. Тогда удѣлъ сихъ людей будетъ забвеніе, презрѣніе и, можетъ быть, и проклятіе сего болѣе насъ разсудительнаго потомства. Васъ ожидаетъ совсѣмъ иная участь. Напечатанныя письма ваши писали вы не для эффекта и не для похвалъ, а для блага, и уже дѣйствіе вашего примѣра и поученій становится ощутительно. Вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражателей другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще вступившихъ. Такъ точно и вы красотою вашихъ мыслей и чувствъ сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго. Вы не могли указать ему на недостатки его, но заставили его самаго съ сокрушеніемъ къ нимъ обратиться въ великіе дни, въ которые Церковь наша призываетъ насъ къ покаянію, посту и молитвѣ. — — — Вы сами заставляете кого-то молить Господа, чтобы онъ далъ ему гнѣвъ и любовь. Сіи дары почти всегда бываютъ неразлучны. Я получилъ ихъ, но, вѣроятно, не умѣлъ сдѣлать изъ нихъ благого употребленія для человѣчества. Теперь же мнѣ, дряхлому, забытому и забывшему, остается только молить Его о терпѣніи и о сохраненіи душевнаго спокойствія. Въ избыткѣ чувствъ, я, по заочности, заговорился съ вами. Вѣроятно, вы меня никогда не услышите и не прочтете, но мнѣ пріятно мечтать, что я бесѣдую съ вами. Было время, что я васъ долго и близко зналъ, о горе мнѣ! и не узналъ. Съ обѣихъ сторонъ излишнее самолюбіе не дозволяло намъ сблизиться. И какъ за суровостію вашихъ взглядовъ, могъ бы я угадать сокровища вашихъ чувствъ? До сокровищъ ума не трудно было у васъ добраться: не смотря на всю скупость рѣчей вашихъ, онъ самъ собою высказывался. Если намъ когда-либо случится еще встрѣтиться

ствѣ были православные. Эта опасность въ глазахъ тѣхъ и другихъ особенно увеличивалась отъ слѣдующаго обстоятельства. Поляки, постановляя изгнать изъ русскихъ областей литовцевъ, рѣшили послать на ихъ мѣсто поляковъ *, такимъ образомъ не только Волыни, но и Кіеву угрожала опасность подпасть непосредственному управленію чисто польскому, даже Кіеву больше, чѣмъ вообще Малороссіи, потому что это главный пунктъ страны и за него поляки больше всего боялись. Кіевъ—столица Владиміра, мѣсто покоя стольких святыхъ русскихъ—въ непосредственной власти поляковъ! Это рѣдко бывало въ самыя тяжелыя времена до сихъ поръ! Малороссы рѣшилась отстаивать Кіевъ всѣми силами. Но это имъ теперь труднѣе было, чѣмъ отстаивать Волынь. Большая часть ихъ были такъ же чиновниками Волыни и уже присягнули на союзъ съ Польшей. Поправить это дѣло, теперь было не легко. Вотъ въ этомъ-то затрудненіи, они задумали стать на литовскую точку зрѣнія и поступили слѣдующимъ образомъ. Они объявили полякамъ, что дали присягу на унію съ ними, какъ владѣльцы государственной земли, которая по литовскимъ правамъ, принадлежитъ королю и которую онъ, какъ владѣтель ея, могъ отдать полякамъ; но присягать Польшѣ, какъ государственные чины литовскаго княжества, т. е. присягать уже не лично, а за историческій институтъ Литвы, — не могутъ. Это не ихъ личное учрежденіе и не королевское личное, а неотъемлемое достояніе литовскаго княжества, безъ представителей котораго, они не могутъ располагать имъ **. Мы не ошибаемся, что этому повороту русскихъ людей, назадъ отъ уніи, предшествовали переговоры и коалиція ихъ противъ Польши съ литовскими людьми.

* Рук. діар. подъ 17 ч. Мая.

** Рук. діар. подъ 1 ч. іюня.

Но наши памятники не заключаютъ въ себѣ ни одного прямаго извѣстія объ этомъ. Изъ нихъ только видно, что литовцы волновали Волынь *, что эти разсужденія о Кіевѣ, совпали съ прибытіемъ на сеймъ литовцевъ и что вліяніе литовцевъ на русскихъ, немедленно обнаружилось ясно для всѣхъ. Русскіе присягнувшіе уже передъ тѣмъ и засѣдавшіе вмѣстѣ съ поляками, вдругъ перестали являться въ засѣданія польскаго сейма. Пустыя мѣста ихъ приводили поляковъ въ сильное негодованіе. Что это значитъ, говорили они, съ нами уже засѣдали князь Острожскій и Чарторижскій и другіе, а теперь, смотрите, какъ пріѣхали литовцы, такъ и пусты мѣста ихъ **. Значило это слѣдующее. Дѣло русскихъ, въ которомъ они такъ ловко сослались на литовцевъ, дождалось литовцевъ, чего поляки очень боялись *** и тѣ немедленно взяли его въ свои руки. Въ теченіе значительнаго времени, литовцы исключительно заняли всѣхъ этимъ русскимъ дѣломъ. Отодвинутъ совершенно въ сторону общій вопросъ о соединеніи съ Польшей всей Литвы, какъ будто и забыли, что прежде было объ этомъ дѣло и что литовцы рѣшились избѣгнуть его рѣшенія, такимъ необыкновеннымъ въ то время способомъ, какъ удаленіе съ сейма, признанное поляками тяжкимъ преступленіемъ. Литовцы стали снова развивать прежнюю свою тему, что русскія области незаконно присоединены къ Польшѣ. Составитель рукописнаго діаріуша такъ описываетъ первую встрѣчу литовцевъ съ поляками по этому дѣлу. 6 іюня. Вторникъ. Сенаторы литовскіе вмѣстѣ съ своими послами, по приказанію короля, которое имъ пере-

---

* Рук. діар. подъ 4 ч. апрѣля.

** Тамъ же подъ 12 ч. іюня.

*** Назначая сроки полѣшанамъ и волынцамъ, они нѣсколько разъ настаивали, чтобы они прибыли раньше литовцевъ. Рук. діар. подъ 23 ч. мая.

далъ коронный маршалъ, пріѣхали во дворецъ. Тамъ безъ короля сошлись съ сенаторами польскими. Староста Жмудскій съ горечью и гнѣвомъ говорилъ, что нельзя было думать, чтобы позабирали (поляки) владѣнія издавна Литвѣ принадлежащія, не доказавъ этого закономъ, на который однако думали поляки всегда опираться. Много онъ говорилъ объ этомъ, даже дѣлалъ колкости. . . . «Не знаю, какимъ это образомъ будетъ происходить рѣшеніе уніи, когда мы видимъ, что сенаторы литовскаго княжества уже засѣдаютъ съ вами въ сенатѣ. Вы уже обрѣзали намъ крылья *». Въ инструкціи литовской, прочитанной полякамъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, литовцы слѣдующимъ образомъ доказывали принадлежность къ Литвѣ Полѣсья и Волыни. Полѣсье литовскіе князья закладывали мазовецкимъ князьямъ, — чужаго не могли бы закладывать; волынская область и кіевская управлялись всегда князьями русскими и литовскими и теперь тамъ только русскіе или литовскіе люди, а поляковъ вовсе нѣтъ **. Поляки въ опроверженіе этого ссылались на случаи, когда эти области бывали во власти поляковъ, показывали какую-то кипу документовъ, доказывавшихъ принадлежность этихъ областей Польшѣ. Къ сожалѣнію, въ нашихъ памятникахъ, кипы эти не развернуты; развернутъ только одинъ документъ — историческое свидѣтельство о томъ, какъ во времена Ярослава Болеславъ Храбрый завладѣлъ Кіевомъ, документъ доказывавшій, очевидно, только роскошь польскихъ притязаній ***. Литовцевъ это не могло убѣждать такъ же, какъ не убѣждаетъ и никого изъ насъ. Впрочемъ, поляки и не заботились объ убѣжденіяхъ. Въ историческую область они всту-

* Рук. діар. подъ 6 ч. іюня.

** Дзял. стр. 129 — 135.

*** Рук. діар. подъ 12 іюня.

пали теперь не болѣе, какъ изъ любви къ искусству, а жизненное рѣшеніе дѣла почерпнули изъ другихъ источниковъ. Они объявили, что не хотятъ вступать съ литовцами въ разсужденіе объ этомъ предметѣ; сами литовцы, виноваты, что отсутствовали въ то время, какъ рѣшались эти дѣла; поднимать ихъ снова —значитъ отнять значеніе у всего, что рѣшено на сеймѣ безъ литовцевъ и снять съ нихъ отвѣтственность за удаленіе съ сейма: нужно просить короля, чтобы, не вдаваясь ни въ какія разсужденія, покончилъ это дѣло поскорѣе и своею властію заставилъ русскихъ засѣсть съ поляками. Не разлучайте насъ отъ литовцевъ—было послѣднею просьбою русскихъ и послѣднимъ выраженіемъ ихъ сопротивленія Польшѣ. Въ отвѣтъ на это, именемъ короля, приказано засѣдать. Застигнутые опять въ безвыходномъ пунктѣ повиновенія королю, они покорились *.

Литовцы послѣ этого дѣйствительно оказались безъ крыльевъ. Въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, нечего уже было думать о томъ, чтобы попрежнему летать въ высокой области широкой независимости Литвы. Необходимо было спуститься на землю, въ суровую дѣйствительность польской силы. Но эта дѣйствительность была имъ такъ тяжела и ненавистна, что и въ этомъ положеніи — безъ крыльевъ — они метались и бились нѣкоторое время въ послѣднихъ судорогахъ отчаянія.

Когда совершился безвозвратно (въ убѣжденіяхъ литовцевъ— не имѣли они вѣдь дара прозрѣнія будущаго) фактъ

---

*) Дзял. стр. 166 — 168. Рук. подъ 24 мая. Не присягнули и лишены были должностей — воевода подляссій и каштелянъ — имена не извѣстны. Рук. подъ 2 ч. мая.— Подъ 1 іюня глухо упоминаются и нѣкоторые волынцы, тоже не пріѣхавшіе, когда уже срокъ кончился. Поляки такъ были злы на упорныхъ волынцевъ, что требовали даже конфискаціи ихъ частныхъ имѣній.

присоединенія къ Польшѣ русскихъ областей, они признали его. Это значило, что они принимаютъ ненавистную для нихъ унію Александра, требовавшую присоединенія къ Польшѣ этихъ областей. Но признавая эту часть уніи Александровой, необходимо было идти дальше, допустить тѣсное сближеніе съ Польшей и остальной части литовскаго княжества — Бѣлоруссіи, Жмуди и Инфлянтъ, — т. е. принять Александрову привиллегію соединенія Литвы съ Польшею. Понимая неодолимую силу этой логики, литовцы объявили, что готовы разсуждать объ уніи на основаніи Александрова акта.

Чтобы видѣть, что собственно значилъ этотъ маневръ литовскій, почему они прямо не приняли готоваго люблинскаго декрета уніи, что они выгадывали, допуская только Александровъ актъ, мы должны войти въ изслѣдованіе того и другаго акта и даже больше—въ изслѣдованіе всѣхъ древнихъ актовъ уніи. Это мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что этимъ путемъ надѣемся уловить самую сущность борьбы Литвы съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ.

Какъ древніе акты уніи, такъ и люблинскій объявляли соединеніе Литвы съ Польшей въ *одно* государство и *одинъ* народъ—unum regnum et unum populum *. Мы знаемъ, что это идиллическое, предрѣшающее будущность единство двухъ рѣзко различныхъ странъ выражалось собственно только:

1.) въ общности политическихъ дѣйствій обоихъ государствъ, которая, впрочемъ, нарушалась не разъ въ виду врага, на полѣ битвы;

2.) въ одномъ лицѣ правящаго государя, что тоже часто нарушалось и даже, когда бывалъ одинъ государь,

* Акты унія Ягелловой, Александровой и люблинской помѣщены въ Volumina Legum.

значеніе его было далеко не одинаковое въ Литвѣ и Польшѣ. Наслѣдственный и почти самодержавный князь литовскій былъ въ тоже время избирательный и крайне ограниченный король польскій. Примирялась эта дикость по акту Городельскому 1413 года еще болѣе дико. Избранный польскій король тѣмъ самымъ дѣлался литовскимъ княземъ. Расчитывалось въ этомъ актѣ на то, что поляки необходимо будутъ избирать короля изъ династіи Ягеллы, изъ боязни, чтобы не расторгся союзъ Польши съ Литвой.

3.) въ одинаковости сеймовъ, государственныхъ должностей и гербовъ дворянскихъ, что при вышесказанныхъ особенностяхъ литовскаго князя, не говоря уже о внутреннемъ складѣ Литвы, было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ сходствомъ Литвы съ Польшей.

При этомъ внѣшнемъ объединеніи съ Польшей, внутренній строй Литвы вырабатывался совершенно отдѣльно отъ нея и даже гарантированъ былъ отъ нравственнаго вліянія Польши отдѣльностію отъ нея границъ литовскаго княжества и запрещеніемъ полякамъ занимать въ Литвѣ должности и даже селиться частнымъ образомъ.

Таково было отношеніе Литвы къ Польшѣ по древнимъ актамъ до акта литовско-польскаго государя Александра 1501 года. Актъ Александровъ *отвергнутый* тогда же литовцами и *неисполненный*, измѣнялъ слѣдующимъ образомъ эти отношенія. Онъ выполнялъ строже идиллическое единство двухъ государствъ и двухъ народовъ. Онъ требовалъ:

1.) чтобы литовцы не только принимали избраннаго поляками короля, но и участвовали вмѣстѣ съ ними въ избраніи его. Эта либеральность клонилась къ тому, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ наслѣдственная литовская династія была устранена отъ престола.

2.) онъ требовалъ, чтобы уничтожены были—отдѣль-

ность отъ Польши литовскихъ границъ и запрещеніе полякамъ занимать должности въ Литвѣ и селиться въ ней. Онъ смѣшивалъ литовскихъ и польскихъ людей по должностямъ и мѣсту жительства. Отсюда естественно вытекало, что сеймы должны быть общіе не только при избраніи короля, но и всегда. Уступка литовской отдѣльности дѣлалась въ томъ, что сеймы имѣли бывать поочередно въ Польшѣ и Литвѣ, сохранялись такъ же титулъ, печать и должности литовскія.

Оба эти постановленія Александровы сводились къ одному: открыть полный просторъ политическому и нравственному вліянію поляковъ на Литву, повести Литву быстрѣе къ образованію съ Польшей дѣйствительно одного государства и дѣйствительно одного народа.

Строго говоря, система Александрова пересозданія Литвы въ Польшу, страдая нечистотою побужденій и опасною неясностію жизненныхъ вопросовъ, была однако юридически права. По ней Литва только открывалась передъ Польшей и все должно было зависѣть отъ перевѣса нравственной силы одной страны надъ другой. Но въ томъ то и сила, что поляки временъ Александра боялись этого перевѣса и потребовали въ немедленное непосредственное свое управленіе самую жизненную часть литовскаго княжества южно - русскія области, — безъ которыхъ Литва не могла свободно бороться противъ польскаго вліянія.

Такимъ образомъ конецъ Александровой уніи былъ великой неправдой Польши по отношенію къ Литвѣ. Оставляя клочекъ Литвы для сколько нибудь свободной переработки въ Польшу, она сразу, однимъ актомъ пересоздавала въ Польшу лучшія, жизненнѣйшія области литовскаго княжества.

Люблинскій актъ уніи шелъ дальше. Онъ принималъ

конечную неправду уніи Александровой и хотѣлъ дополнить ее начальною и серединною неправдою.

1.) Онъ бралъ, какъ польскія, южно-русскія области;

2.) свободную борьбу по Александровому акту литовской наслѣдственности династіи и польской избирательности разрѣшалъ категорическимъ уничтоженіемъ первой и возстановленіемъ въ обоихъ государствахъ гибельнѣйшаго разгула послѣдней;

3.) Александровую открытость передъ польскимъ вліяніемъ ослабленной Литвы дополнялъ уничтоженіемъ поочередныхъ общихъ сеймовъ въ Литвѣ, на которыхъ могло пробиваться литовское вліяніе, и уничтоженіемъ литовской печати, обладаніе которой литовцами могло сдерживать наплывъ въ Литву польскихъ чиновныхъ людей, потому что канцлеръ литвинъ не охотно прикладывалъ бы печать къ патентамъ для поляковъ. Словомъ, онъ дополнялъ вопіющее зло конца Александровой уніи вопіющимъ всестороннимъ зломъ. Изъ исторической литовской государственной самостоятельности онъ оставлялъ тѣнь въ сохраненіи титула—литовское княжество,—въ сохраненіи литовскихъ должностей, безъ сейма и печати терявшихъ большую часть своего значенія и наконецъ — оставлялъ не тѣнь, а жизненный остатокъ литовской государственности — очищенный статутъ, но это конечно потому, что за статутомъ, какъ выраженіемъ исторической жизни народа, стоялъ цѣлый, сильный народъ, котораго люблинская унія только открывала, а не смѣла касаться прямо.

Литовцы, мы сказали, согласились на унію Александрову. Мы знаемъ, что̀ они этимъ теряли — теряли съ уничтоженіемъ своихъ границъ и постановленій противъ поляковъ, наплывающихъ въ Литву —гарантію противъ нравственнаго господства Польши, а съ отдѣленіемъ малороссійскихъ областей—теряли необходимое условіе для свободной борьбы

съ этимъ господствомъ, но мы знаемъ теперь, что они выгадывали противъ люблинской уніи. Они выгадывали слѣдующее. Допуская въ принципѣ избирательную систему государя, они оставляли за собою вопросъ о наслѣдственности своей династіи,—и во вторыхъ—въ поочередныхъ литовскихъ сеймахъ и печати литовской выгадывали хотя слабѣйшую гарантію противъ безусловнаго польскаго господства въ Литвѣ; словомъ, они сберегали послѣдній остатокъ литовской самобытности, такъ безпощадно и жадно расхищенной поляками. Сберегая этотъ послѣдній остатокъ своей самостоятельности съ обычною въ подобномъ случаѣ осторожностію, литовцы придумали слѣдующій планъ совѣщаній объ уніи этого новаго рода. Зная, что поляки давно готовятъ окончательный актъ уніи, они поторопились составить свой на основаніи Александрова декрета и предложили, чтобы польскій декретъ уніи данъ былъ для обсужденія литовцамъ, а литовскій полякамъ; каждая сторона пусть обсудитъ ихъ, исправитъ по взаимному совѣщанію и затѣмъ польская сторона пусть присягаетъ на литовскій декретъ уніи, а литовская на польскій *.

Король и сенаторы, измученные безконечнымъ дѣломъ уніи и безконечною ея неправдою, согласились на этотъ планъ и приняли литовскій проектъ, къ великому сожалѣнію, не помѣщенный ни въ одномъ изъ нашихъ діаріушовъ *. Но польскіе послы, какъ только услыхали объ этомъ, такъ немедленно возстали противъ короля и сената и послали къ нимъ депутатовъ съ настойчивою просьбою не разсуждать съ литовцами, не вступать съ ними ни въ какіе трактаты. Такая выходка пословъ привела въ негодованіе и польскихъ сенаторовъ и короля. Послы получили отъ

* Дзял. стр. 173—174 рук. діар. подъ 14 іюня.

* Тамъ же.

нихъ жесткій выговоръ и отосланы съ посрамленіемъ *. Можно было по видимому ожидать, что благодаря смущенію пословъ, дѣло пойдетъ въ ходъ. Дѣйствительно, литовскія предложенія были разсмотрѣны въ сенатѣ, пересланы въ посольскую избу и нѣкоторые послы стали говорить,

* У Дзялинскаго стр. 174 — 176 въ рук. подъ 14 и 16 ч. іюня. У Дзялинскаго пропущено нѣсколько особенностей этой комической сцены. Zatym się porwali posłowie niektóry, który byli in ea sententia, aby posłać do panów, aby o tym nie mówili. Podźmy sami do króla i szło ich z marszałkiem połowica, druga połowica w izbie zostali. Tam przyszedłszy na górę, marszałek poselski prosił króla od posłów, aby nie namawiali na to podanie Litewskie. Król i rada obruszyli się bardzo i niewdzięcznie to przyjęli, kazali im odeyść do izby naprzeciwko, aż się król J. M. rozmówi z pany, po małej chwili zawołano ich. Ten respons dano od Króla. Iż Król Jeh Mość baczy, iż W. Moście nie wszyscy przyszli i nie od wszystkich mowicie, nieda też wam żadnej odpowiedzi i niewdzięcznie to król j. mość od was przyjmuje, że się wmietujecie w to, do czego w. mościom nic. Przyszli na doł do izby sięli ciążyć na drugie posły, że z niemi niechodzili powiadając że się wydajem nastrych, bo wiele posłów w izbie zostało, który z niemi niechodzili, który byli in ea sententia posłać do panów, aby nienamawiali, a zwłaszcza krakowskie wojewodstwo wszystkie, które wołało na to aby posłać. To zostało było w izbie, że niechodzili tym się wymawiali—prawda że się nam tak zdało, ale kiedy to się racyami pokazało od drugich, iż to nie będzie dobrze, woleliśmy nie iść. A też powiedzieliśmy w. mościom, że nie poydziemy, niechodzić że było bez nas, samiście się naparli i sliście, myśmy was hamować nie mogli Рук. діар. подъ 14 ч. іюня. Послѣ того вскочили нѣкоторые послы, державшіеся того мнѣнія, чтобы послать къ сенаторамъ, чтобы не разсуждали (о литовскомъ проектѣ). «Пойдемъ сами къ королю!» И пошли съ маршаломъ одна половина, а другая осталась въ избѣ. Тамъ, придя на верхъ (въ сенатъ), маршалъ просилъ короля, отъ имени пословъ, чтобы не подвергали обсужденію литовскаго предложенія. Король и сенаторы сильно разгнѣвались и немилостиво то приняли. Приказали имъ отойти въ залу напротивъ, пока король поговоритъ съ сенаторами. Черезъ нѣсколько минутъ позвали ихъ, и такой отвѣтъ данъ отъ короля: такъ какъ король видитъ, что вы не всѣ пришли и не отъ всѣхъ говорите, то не даетъ

что не мѣшаетъ поразсудить, чего хотятъ литовцы. Но большинство бурно возстало противъ такого намѣренія, не дозволило даже читать въ избѣ посольской литовскій проектъ и позволило только, чтобы маршалъ разобралъ его у себя на дому и на утро представилъ посламъ свои замѣчанія на него. Когда маршалъ сталъ читать имъ эти замѣтки и послы польскіе узнали, что литовцы просятъ поочередныхъ литовскихъ сеймовъ, литовской печати и даже возвращенія наслѣдственности литовской династіи, то негодованіе пословъ еще болѣе усилилось и они отправили депутатовъ въ сенатъ съ отказомъ во всемъ *. Тамъ депутатамъ напомнили опять недавнее безразсудство пословъ и нашли возможность ввести ихъ снова въ разсужденіе о литовскихъ предложеніяхъ, потому что литовцы сдѣлали новые уступки.

Смущенные настойчивостію польскихъ пословъ, литовцы еще нѣсколько подались назадъ, уступили полякамъ поочередные сеймы и только просили, чтобы общіе сеймы были хотя на границѣ Литвы и Польши, и чтобы на нихъ, сеймовыми чинами бывали на одномъ литовцы, на другомъ поляки, по очереди на каждомъ слѣдующемъ сеймѣ *. Поляки

вамъ король никакого отвѣта и не милостиво принимаетъ отъ васъ, что вмѣшиваетесь въ то, до чего вамъ нѣтъ никакого дѣла. Пришли послы внизъ и стали жаловаться на другихъ пословъ, что не ходили съ ними, говоря «мы выданы на посмѣяніе!», потому что много пословъ осталось въ избѣ, которые не ходили съ ними, хотя были того мнѣнія, чтобы послать къ сенаторамъ съ требованіемъ не совѣщаться (о проектѣ литовскомъ), особенно воеводство краковское. Оно все кричало, чтобы послать, а однако осталось въ избѣ. Отговаривались тѣ, которые не ходили, тѣмъ: правда, что намъ казалось такъ, но когда другіе доказали, что не хорошо будетъ, то мы предпочли не идти. Однако мы сказали, что не пойдемъ—не нужно было ходить безъ насъ: сами вы назвались и пошли—мы не могли васъ задерживать.

* Рук. діар. но[illegible] 17 іюня

* Тамъ же.

отказали. Литовцы, отдали имъ весь сеймъ; но за то тѣмъ крѣпче уперлись на остальныхъ пунктахъ. Вопросъ о литовской печати сдѣлался предметомъ самыхъ жаркихъ преній. Литовцы тутъ были очень сильны и позволили себѣ даже колкости. Вы сохраняете намъ государственныя должности, говорили они, и не можете не сохранить, потому что они сохраняются за нами всѣми актами уніи; но скажите пожалуста, что это будетъ за должность — литовскій канцлеръ, прикладывающій печати безъ печати. Сохраните намъ литовскую печать на общихъ актахъ рядомъ съ польскою, а на частныхъ литовскихъ — одну литовскую. Поляки не уступали. Сохраните намъ литовскую печать хоть на однихъ частныхъ литовскихъ актахъ. Поляки несоглашались. Споры сдѣлались такъ горячи, что изъ за печати сеймъ готовъ былъ снова разсторгнуться [1], а между тѣмъ брошена была новая искра. Поляки подняли вопросъ о томъ, чтобы литовскіе инфлянты не принадлежали одной Литвѣ, а были въ общемъ владѣніи Литвы и Польши. Извольте, говорили литовцы. Мы дали имъ клятву не оставлять ихъ, но если они желаютъ сами пристать къ вамъ, то пусть пристаютъ. Только вотъ условіе. Они стоили намъ большихъ издержекъ и силъ; въ вознагражденіе этого возвратите намъ наслѣдственность нашей династіи. Поляки встрѣтили это обновленное требованіе съ негодованіемъ [2].

Дѣло стало неподвижно. И поляки и литовцы отказались идти дальше. Насталъ послѣдній моментъ борьбы. Обѣ стороны равно устали и равно не желали, ни уступать, ни продолжать борьбы.

Чтоже дальше? Обѣ стороны, какъ бы по взаимному

---

[1] Рук. діар. подъ 20—23 іюня.

[2] Тамъ же подъ 21—22; снач. подъ 24 ч. и рѣчь старосты жмудьскаго тоже.

согласію, обратились къ слѣдующему средству: потребовали, чтобы самъ король велъ дальше дѣло, посредствомъ съ одной стороны польскаго сената, съ другой литовскаго *. Устроился теперь такой порядокъ совѣщаній. Оба сената съѣзжались во дворецъ и располагались въ двухъ смѣж-

---

* Рук. діар. подъ 23 іюня. Conclusum u Posłów: iść do króla j. mości, a prosić króla j. mości, aby się działo wszystko wedle przywiłejów, aby król j. mość jako interpres legum, już nas niewiodł do czego innego, jedno wedle przywiłejów aby się koniec stał, a w żadne traktaty aby z nami niewchodzili, gdyż my od przywilejów swych nie odstąpimy. Druga panów prosić, aby oni z powinności swej tuerentur privilegia regni, a nie wdawali nas w nowe traktaty, gdyżeśmy się zgodzili ne latum unguem recedere a prioribos privilegis, a o koniec tej rzeczy prosić.... Постановлено у пословъ: идти къ королю и просить, чтобы все дѣлалось согласно привиллегіямъ, чтобы король, какъ истолкователь законовъ, не велъ насъ ни къ чему иному, но чтобы, согласно привиллегіямъ, авелъ конецъ дѣлу, а (литовцы) пусть не входятъ съ нами ни въ какіе трактаты, потому что мы не отступимъ отъ нашихъ привилегій. Во-вторыхъ, просить сенаторовъ, чтобы, они согласно своей обязанности, берегли привиллегіи королевства и не вводили насъ въ новые трактаты, потому что мы согласились не уступать и іоты изъ старыхъ привиллегій. Просить кончить это дѣло. Литовцы еще 20 іюля высказывали подобную мысль: Była sprawa z pany Litewskiemi cały dzień z pany radami i z posły przeto pan starosta Żmud'ski od panów Litewskich pro finali conclusione powiedział, iż my musimy uczynić, co jest wola j. kr. mości, ale dobrym sumnieniem, aby nam niemiano pieczęci przyłożyć na confirmacyą przywilejów novi regis, zwolić nie możemy z naszej dobrej woli, ale jako coacti, tedy to musiemy to czynić, prosili aby szło fraterne z niemi, a nie summo jure..... Было совѣщаніе у сенаторовъ польскихъ и пословъ съ сенаторами литовскими цѣлый день. Староста жмудьскій отъ имени литовскихъ сенаторовъ сказалъ намъ послѣднее слово: на что воля короля, то мы должны исполнить, но согласиться добросовѣстно и добровольно на то, чтобы не было литовской печати на грамотѣ новаго короля, утверждающей привиллегіи—не можемъ; можемъ это сдѣлать только по насилію. Просимъ, чтобы съ нами поступлено было по братски, а не съ насиліемъ.

ныхъ залахъ. Король засѣдалъ то въ той, то въ другой, склоняя то ту, то другую къ уступкамъ и передавая уступки одной стороны другой, т. е., король сталъ теперь въ положеніе прямаго посредника между поляками и литовцами, или собственно говоря между аристократами той и другой страны. Повидимому, это былъ единственный вѣрный способъ, дать правильный исходъ международной распрѣ, какой только можно было придумать. Но на дѣлѣ онъ страдалъ многими неправдами и не могъ привести къ доброму концу.

Король не могъ занимать дѣйствительной середины между Литвой и Польшей. Другъ поляковъ, двигатель слитія Литвы съ Польшей, не могъ быть безпристрастнымъ судьею въ вопросѣ о справедливости этого слитія. Трагическія минуты судорогъ, въ которыхъ билась самостоятельная литовская жизнь, конечно, могли произвесть переворотъ въ такой поэтичной натурѣ, какою надѣленъ былъ Августъ, но эта натура была теперь уже больше въ воспоминаніи Августа, чѣмъ въ его дѣйствительной личности. Это былъ уже не Августъ мужъ Варвары, а Августъ *вторичный* зять австрійскаго дома, опытнаго и тогда въ искуствѣ топтать народныя проявленія. Но даже независимо отъ личнаго настроенія Августа, не могло быть равновѣсія въ его посредничествѣ между Литвою и Польшей. Оно нарушалось историческимъ различіемъ его положенія въ литовскомъ и въ польскомъ сенатѣ, между которыми онъ сталъ теперь. Въ Польшѣ онъ былъ государь избранный и крайне ограниченный народными представителями, въ Литвѣ, считалъ себя и наслѣдственнымъ и самодержавнымъ. Литва, поставившая его теперь сама посредникомъ, явно переходила къ признанію и его наслѣдства и его самодержавія. Наступила трагическая минута, пробудились снова въ литовцахъ вѣрноподданническія чувства и они

погибнуть отъ самаго этого посредничества короля. Наконецъ, неравновѣсіе простиралось и на тѣхъ, между которыми король хотѣлъ быть посредникомъ. Польскій сенатъ былъ подъ гнетущимъ контролемъ польскихъ пословъ и всегда могъ на нихъ опереться. Литовскій, обезсиленный отдѣленіемъ отъ него малороссійскихъ дѣятелей, подорванный измѣною своего боярства, могъ дѣйствовать только по внушенію своихъ сословныхъ интересовъ или въ виду отвѣтственности передъ судомъ исторіи. Его неподдерживалъ даже страхъ народнаго возстанія, какъ поддерживалъ онъ хоть нѣсколько малороссійскихъ дѣятелей. Литва и Бѣлоруссія были слишкомъ слабы для этого.

Въ теченіе двухъ дней сряду, тянулись эти новыя совѣщанія. По шести часовъ король проводилъ въ нихъ, переходя отъ одной стороны къ другой, едва передвигая ноги и вымаливая то у той, то у другой уступку за уступкой, а между тѣмъ послы польскіе теряли терпѣніе, каждый день справлялись, скоро ли конецъ и каждый день получали отвѣтъ — вотъ сейчасъ будетъ все готово, потерпите минуточку, уже литовцы сдаются на все *. Точно тутъ происходили мучительные роды, или страшная операція. Дѣйствительно такъ было—рождалась и анатомировалась люблинская унія, только не къ здоровью Литвы, а

* Суббота 24 іюля.... Król j. mość przez kilka godzin był z pany i z Litwą. Panowie Litewscy i z posły swemi w jednej izbie a w drugiej panowi koronni, tedy król j. m. sam chodził od tych do tych, traktując, pracując, aby rzeczy te przyszły ku skutkowi było tego przez sześć godzin, aż też i do niezdrowia przyszło królowi j. mości. Рук. діар. подъ 24 іюня. Король въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ былъ въ совѣщаніи съ сенаторами и Литвой. Литовскіе сенаторы съ послами своими въ одной залѣ, сенаторы польскіе въ другой. Король самъ ходилъ то къ тѣмъ, то другимъ, ведя переговоры и стараясь, чтобы дѣло пришло къ концу. Тянулись шесть часовъ. Дошло до нездоровья короля. 26 числа тоже было.

къ исторической ея смерти. У поляковъ король вымолилъ не много, собственно одно — исключеніе изъ акта уніи упоминаніе, объ удаленіи литовцевъ съ сейма и о рѣшеніи уніи безъ нихъ, но у литовцевъ онъ выпросилъ то, что сгубило Литву, но ради чего Сигизмундъ отказался бы отъ всѣхъ благъ Польши, если бы въ немъ теперь была хоть малѣйшая доля энергіи.

Постоянныя сношенія литовцевъ съ королемъ, въ эти послѣдніе дни, — сношенія, сопровождавшіяся муками и униженіемъ ихъ государя, пробудили въ нихъ старыя вѣрноподданническія чувства къ нему. Литовцы забыли теперь свою польскую теорію — избирать короля, о чемъ прежде мечтали. Они видѣли теперь въ лицѣ Августа, послѣдняго своего династическаго государя и въ эту торжественную минуту, возвратили ему добровольно, даже его старое литовское самодержавіе. Они рѣшились, ни въ чемъ не уступая полякамъ, ни на что не соглашаясь, какъ на требованіе поляковъ, все предоставить королю и въ этомъ только смыслѣ присягать на унію. Тутъ литовцы явно стали на русскую точку зрѣнія, слились снова съ русскими. Настала минута еще торжественнѣе и рѣшительнѣе. Объединенныя снова двѣ силы литовскаго княжества — литовская и русская, дѣлали нравственный вызовъ и полякамъ и Августу — полякамъ — избрать короля дѣйствительнымъ посредникомъ между ними, при чемъ признать его самодержавіе, королю — быть этимъ посредникомъ и во имя самодержавія, измѣнить актъ люблинской уніи. Обстановка при которой это происходило, придавала этой минутѣ не обыкновенную, потрясающую торжественность, при которой обѣ стороны, не могли сохранить хладнокровія. Это рѣшеніе, литовцы согласились высказать въ общемъ собраніи сейма, въ присутствіи короля, наканунѣ Петра и Павла 28 іюня.

Старѣйшій и могущественнѣйшій ихъ членъ староста Жмудьскій, сказалъ слѣдующую рѣчь.

Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король!

Такъ какъ это дѣло (люблинская унія), которое, какъ извѣстно вашей королевской милости, обдумано со всѣхъ сторонъ сенатомъ и послами великаго княжества литовскаго, дошло до такого положенія, что сами мы уже никакъ не можемъ рѣшиться, безъ оскорбленія нашей совѣсти, отступить отъ того, чего мы просили отъ вашей королевской милости, поэтому мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы представить вамъ, на чемъ остановилось это дѣло, т. е. на что мы въ прошедшую пятницу добровольно согласились, кромѣ слѣдующихъ пяти пунктовъ о наслѣдствѣ (литовскаго престола), о принадлежности (намъ) инфлянтъ, о печати (литовской), объ утвержденіи законовъ (литовскихъ). Что касается рецесса варшавскаго и люблинской привиллегіи (на унію), на которые мы хотя склонились съ великою болью и стѣсненіемъ нашего сердца, по приказанію вашей королевской милости, повинуясь въ этомъ волѣ и приказу вашему, но какъ все это намъ больно, не возможно этого выразить словами. Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные сыны его, заботиться объ его благѣ столько, сколько намъ слѣдуетъ и сколько у насъ есть силъ и мы свидѣтельствуемся вашимъ королевскимъ величествомъ и цѣлымъ этимъ собраніемъ, что мы это отечество наше, которое своею кровію и жизнію сохранили цѣлымъ, защищали здѣсь столько, сколько могли. Но что мы не могли довершить (этой защиты), то пусть будетъ это приписано препятствіямъ, судьбѣ и временамъ; намъ приходится уступить, но мы уступаемъ (и ввѣряемъ наше дѣло) не какому бы то ни было декрету (сеймовому), а

милости вашего королевскаго величества, какъ исполнителю законовъ и общему присяжному (которому присягали) государю. Соглашаемся на одну печать, для скрѣпленія привилегій или правъ, общихъ Литвѣ или Польшѣ, уступаемъ въ этомъ братской любви, чтобы несчитали насъ какъ нибудь отдѣляющимися, отъ господъ ихъ милостей польскихъ и рѣчи посполитой, пусть рѣчь посполитая будетъ одна и общая (для Литвы и Польши), но безъ истребленія печатей литовскихъ. Просимъ также о томъ, объ чемъ сильно напоминали, при первомъ нашемъ прибытіи сюда, чтобы мы могли имѣть нашу литовскую рѣчь посполитую такою благоденствующею, какъ она есть теперь. Что касается до инфлянтовъ, то какъ мы оберегали ихъ отъ непріятелей собственными издержками и убытками, запечатлѣвая это кровью и здоровьемъ нашимъ, все это извѣстно вашей королевской милости. И что еще важнѣе, мы присягнули инфлянтамъ, что они будутъ сохранены при княжествѣ литовскомъ. По этому, если они добровольно пожелаютъ отступить отъ насъ, по совѣту и убѣжденію вашей королевской милости, то мы не будемъ противъ этого, потому что когда они отъ насъ отступятъ, то ваша королевская милость, благоволите снять съ насъ эту присягу. Но такъ какъ, я уже сказалъ, мы получили ихъ съ великими тратами, защищали ихъ и до сихъ поръ защищаемъ, принося этому въ жертву наше имущество и здоровье, то было бы справедливымъ вознагражденіемъ нашихъ тратъ, если бы за это уступлена была намъ наслѣдственность литовскаго престола (подаренная королемъ Польшѣ) и исключена была изъ рецесса варшавскаго и люблинскаго акта.

Свѣтлѣйшій и милостивѣйшій государь! мы имѣемъ привиллегіи предковъ вашей королевской милости, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что свободно были избираемы

нами наши государи. Такъ и вашъ отецъ — былъ въ Силезіи, въ далекой отъ насъ странѣ, а вѣдь его предки наши искали, избравъ себѣ государемъ, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ. Свидѣтельствуетъ также тотъ же славной памяти отецъ вашей королевской милости о васъ самихъ, что мы свободно избрали себѣ вашу королевскую милость, еще въ вашемъ дѣтствѣ. И сколько вы надъ нами царствуете отъ дѣдовъ, прадѣдовъ, вездѣ видно, что надъ нами царствовали государи по избранію. Но какое бы наслѣдство вы ни хотѣли имѣть, если можетъ только быть наслѣдство тамъ, гдѣ свободно избираютъ государя, мы во всякомъ случаѣ видимъ, что это наслѣдство которое ваша королевская милость благоволили отдать коронѣ (польскому королевству) рецессомъ варшавскимъ и привиллегіею люблинскою, приноситъ намъ порабощеніе наше коронѣ (польскому королевству), потому что если есть на насъ наслѣдство и ваша королевская милость его передаете коронѣ, тогда вы и насъ вмѣстѣ съ наслѣдствомъ передаете коронѣ, какъ рабовъ. А потому не думается намъ, чтобы мы могли это сдѣлать съ доброю совѣстію, размышленіемъ и съ доброю своею славою, и слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы въ той записи, которую мы дадимъ, съ общa съ панами коронными (поляками) не упоминать, ни о рецессѣ варшавскомъ, ни о привиллегіи люблинской, въ которыхъ то наслѣдство дано вашею королевскою милостію коронѣ, и касательно которой и другихъ вещей было представлено, что мы ихъ и не слышали, и не видѣли, и не знаемъ, и ни съ кѣмъ не имѣли объ нихъ рѣчи. И если бъ намъ, честнымъ людямъ, пришлось утверждать это, то ваша королевская милость сами понимаете, что этого намъ не слѣдуетъ дѣлать, потому что вѣдь не въ обычаѣ, чтобы крѣпостные утверждали даръ своихъ господъ, и если бы мы это утверждали, то закрѣпляли бы коронѣ

наше наслѣдство, а съ нимъ и наше порабощеніе. А такъ какъ намъ уже въ этомъ не къ кому прибѣгнуть, развѣ только къ Богу и къ вашей королевской милости, нашему милостивому государю, виновнику и распорядителю нашихъ почестей и защитнику нашихъ правъ, какъ помазаннику Божію; то вотъ мы теперь стоимъ предъ вашею королевскою милостію. Какъ пріѣхали мы сюда добровольно, такъ добровольно и стоимъ теперь передъ вами, какъ вѣрные и покорные подданные ваши, и съ радостію это дѣлаемъ, но просимъ съ нижайшею нашею просьбою, благоволите ваша королевская милость такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ неволею и съ посрамленіемъ нашимъ и потомковъ нашихъ. Не допустите ваше величество посрамить насъ, пусть этотъ актъ такъ завершится, чтобы на насъ не было ни одного пятна. Будьте же сами ваше величество стражемъ и умирителемъ этого дѣла, и пусть это будетъ величайшею вашею милостію, если все это вы совершите въ любви, потому что безъ всякаго сомнѣнія придетъ время, что было бы очень больно намъ, или внукамъ нашимъ, если бы пришлось смотрѣть на эти сегодняшнія дѣла, вмѣсто радости, съ большимъ сожалѣніемъ или обвинять насъ, что мы не видѣли такой своей неволи. И мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженною нашею просьбою къ ногамъ вашей королевской милости (тутъ съ великимъ плачемъ всѣ пали на колѣни). Умоляемъ васъ ради Самого Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу честную вѣрность и кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали. Благоволи такъ насъ устроить, чтобы это для всѣхъ было съ честію, а не съ униженіемъ, съ сохраненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти. Благоволи ради Самаго Бога помнить то, на что ты намъ присягнулъ (тутъ съ плачемъ встали и изъ нашихъ поляковъ,

рѣдко кто не плакалъ, или не былъ взволнованъ сожалѣніемъ, потому что много сенаторовъ плакало. Тутъ староста жмудскій, обратившись съ рѣчью къ сенаторамъ (польскимъ) говорилъ:)

Милостивые паны коронные, просимъ ради Самого Бога, вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ государей, кончить это такъ, чтобы это было съ доброю совѣстію и честію нашею и радостію вашею и насъ вашихъ братьевъ *.

Но всѣ эти муки литовскаго народнаго духа, вылившіяся такъ полно въ этой рѣчи, были напрасны. Сенаторы польскіе и самъ король отвѣчали литовцамъ, что ихъ грусть происходитъ отъ непривычки къ этому новому дѣлу, но пройдетъ скоро, потому что это братскій союзъ и по всему видно угоденъ Богу, необходимо по этому на все согласиться. Духъ латинскаго общества, великолѣпно высказался въ этихъ польскихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Но въ Литвѣ этотъ духъ, не былъ еще тогда такъ силенъ. Самъ даже жмудьскій латинскій епископъ задумался при этомъ и попросилъ для литовцевъ нѣсколько времени на размышленіе, послѣ котораго опять выступилъ староста жмудьскій и сказалъ, что видно литовцы сильно согрѣшили передъ Богомъ, когда приходится видѣть, что предстоитъ на мѣсто одного народа перенести другой (польскій на мѣсто литовслаго). Ясное дѣло, что и староста жмудскій уже близокъ былъ къ полному согласію. Онъ дѣйствительно опять отдавалъ все на волю короля, но просилъ, чтобы король даль хоть письменное свидѣтельство, что не загублена будетъ Литва и что они литовцы, защи-

* Дзял. стр. 183—185. Рук. діар. подъ 27 іюня. Между обоими списками есть нѣсколько важныхъ варіантовъ; мы держались вообще списка Дзялывскаго, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ приняли чтеніе рукописнаго діаріуша, такъ какъ у Дзялынскаго иногда оказывалось отсутствіе смысла.

щали ее всѣми силами. Отказано и въ этомъ. Между тѣмъ на слѣдующій день въ праздникъ Петра, по всѣмъ костеламъ люблинскимъ совершалось молебствіе и произносились торжественныя рѣчи по случаю этого мучительнаго жертвоприношенія Литвы. 30 іюня еще нѣсколько возились съ литовцами, которые добивались, чтобы смягчить хоть въ выраженіяхъ люблинскій декретъ и сохранить все-таки литовскую печать. Но ни что не помогло. Того же дня объявлено, что литовцы на все согласились и будутъ присягать на слѣдующій день, 1 іюля, въ который дѣйствительно и происходила присяга. На долю литовцевъ, присягнувшихъ на этотъ декретъ, столь недобровольно и недобросовѣстно, оставалась только надежда, что король не приведетъ въ исполненіе всего этого декрета. Дѣйствительно ни Августъ, ни его преемники, не исполнили его въ точности, не уничтожили литовской печати, которая имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ мы представляемъ. Она вмѣстѣ съ литовскими государственными чинами, и главное вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ, служила живымъ напоминаніемъ литовской отдѣльности отъ Польши и сохранила въ лучшихъ людяхъ литовское сознаніе и литовскія вѣрованія до того времени, когда проснулся народъ и взглянулъ на люблинскую унію, глазами казаковъ въ XVII столѣтіи, глазами уманьскихъ и волынскихъ гайдамаковъ въ XVIII столѣтіи и наконецъ свѣтлыми глазами мирной народной воли нашихъ временъ.

Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на народные взгляды на соединеніе Литвы съ Польшей. Въ нихъ исходная точка, для вѣрнѣйшей оцѣнки люблинскаго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Въ нихъ историческій народный приговоръ русско-польскому государству, погибшему именно отъ соединенія этихъ двухъ элементовъ—русскаго и польскаго.

Меньше чѣмъ черезъ столѣтіе, расторгается союзъ литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Вся западная Россія, тянетъ къ восточной и пересиливаетъ всѣ сепаратиеныя тенденціи казаковъ, такъ что Хмѣльницкій, виновникъ и герой народнаго торжества, является на переяславской радѣ 1654 года, только невольнымъ исполнителемъ народной воли—присоединиться къ Россіи.

Черезъ столѣтіе безконечныхъ смутъ и обезсиленія казаковъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія поднимается тоже движеніе, обхватываетъ Украйну, ознаменовывается страшною уманьскою рѣзнею поляковъ, послѣ неудачъ, повторяется въ осьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія на Волыни, и никто не сомнѣвается тогда въ характерѣ этого движенія: всѣ увѣрены и видятъ, что народъ отрѣкается отъ всего польскаго и тянетъ всѣми силами къ Россіи. Мы обращаемъ все вниманіе читателей на эти послѣднія событія, потому что онѣ рѣшительно не разработаны и затемнены дипломатическими дѣлами того времени. Кто прочитаетъ хоть не много памятниковъ объ уманьскихъ и волынскихъ гайдамакахъ — эти донесенія о возстаніи народа, объ его ненависти къ латинству и Польшѣ и любви ко всему русскому и православному, эти крайнія мѣры тогдашняго польскаго правительства, объявлявшаго изгнаніе всѣмъ деятелямъ народнаго дѣла, признаваемымъ выходцами изъ Россіи; тотъ ни на минуту не усомнится, что тогда подготовлялось повтореніе исторіи Хмѣльницкаго, и Россія дождалась бы всенароднаго, торжественнаго, какъ при Хмѣльницкомъ, предложенія и просьбы взять подъ свою власть всю западную Россію, если бы . . . . если бы не Пруссія и Австрія. Эти державы, когда увидѣли, что вырабатывается историческій, неминуемый раздѣлъ Польши на русскія и польскія области, и что Россія непремѣнно возметъ и не можетъ не взять русскихъ областей, рѣ-

шились воспользоваться этимъ событіемъ въ свою такъ же пользу и предложили покончить и съ дѣйствительною Польшею, чего могло не быть и о чемъ Россія тогда вовсе не думала, предложили раздѣлить въ то же время дѣйствительную Польшу. Екатерина имѣла несчастіе, вопреки мольбамъ Панина, согласиться на эти предложенія; послѣ того, Екатерина принуждена была, въ видахъ систематическаго приготовленія къ раздѣлу всего польскаго государства, давить западно-русскія народныя возстанія, стремившіяся присоединиться къ Россіи, независимо отъ хода дипломатическихъ переговоровъ.

Такимъ образомъ вѣковая историческая работа—распаденія польскаго государства на русскія и польскія области смѣшана была съ случайною нѣмецкою работою уничтожить государственную самостоятельность и въ чисто польскихъ областяхъ, — Россія даже признана главною виновницею гибели Польши. По этому пути пошли, какъ извѣстно, и общественное мнѣніе и даже политика. Но наука не можетъ идти этимъ путемъ. По ее даннымъ, которыя безъ сомнѣнія сдѣлаются со временемъ общедоступнымъ достояніемъ, оказывается, что гибель самостоятельной жизни чисто польскихъ областей — особое дѣло, дипломатическое, нѣмецкое, а расторженіе союза бывшаго литовскаго княжества и Польши, расторженіе русско-польскаго государства — дѣло опять особое, только прикрытое дипломатіей, а на дѣлѣ чисто историческое и неизбѣжное. Въ этомъ убѣдитъ даже самый легкій анализъ послѣдствій люблинской уніи.

Мы показывали, какіе различные элементы были въ Литвѣ и въ Польшѣ. Люблинская унія насильственно открывала ихъ другъ передъ другомъ. Борьба должна была неизбѣжно завязаться. Люблинская унія усиливала ее еще тѣмъ, что насильственно гарантировала торжество польскихъ элементовъ надъ элементами литовскаго княжества, въ особенности рус-

скими, какъ болѣе обманчивыми по сходству коренныхъ славянскихъ началъ и болѣе опасными по сосѣдству сильнаго русскаго государства. Но насиліе, даже тщательно гарантированное видимымъ успѣхомъ, не всегда ведетъ къ дѣйствительному успѣху. Такъ случилось и съ люблинскою уніею. Она измучила и испортила жизнь населенія литовскаго княжества, но испортила такъ же и загубила жизнь чисто польскаго населенія, областей дѣйствительной Польши.

Историческій институтъ Польши—польское шляхетство съ избирательною системою королевской власти съ одной стороны и хлопствомъ съ другой—составляющій до сихъ поръ обаяніе для многихъ поляковъ, давно осужденъ и исторіей и наукой. Но больше чѣмъ вѣроятно, что если бы польское государство состояло только изъ чисто-польскаго народа, то институтъ польскаго шляхетства могъ бы переработаться въ другой и безъ погибели польскаго государства. Но со всѣмъ другой исходъ этой работы долженъ былъ быть въ русско-польскомъ государствѣ.

Въ монархической Литвѣ замѣна наслѣдственной династіи республиканской избирательной немедленно усиливала и безъ того сильный въ ней аристократизмъ, что должно было сейчасъ же отразиться гнетомъ на всѣхъ низшихъ сословіяхъ. Эти сословія теперь вмѣсто царствующей династіи получали олигарховъ. Отъ того-то послѣ люблинской уніи въ литовскомъ княжествѣ возможны были такія всесильныя партіи, какъ Потоцкихъ, Чарторижскихъ или Радзивилловъ, какихъ никогда не могла выставить дѣйствительная Польша. Отъ того въ позднѣйшее время большая часть конфедерацій составлялись въ Литвѣ, а не въ Польшѣ; отъ того наконецъ, еще болѣе замѣчательное явленіе—почти всѣ избирательные короли не изъ иностранцевъ—были— магнаты Литвы, а не Польши. Республиканская польская шляхта на землѣ польской не давала излиш-

няго простора своимъ членамъ и не легко дозволяла имъ выдвигаться такъ высоко, чтобы попасть въ короли. Это гораздо легче было въ Литвѣ, гдѣ, не смотря на гибельное вліяніе, крѣпки были и аристократическія преданія и дѣйствительная аристократическая сила. Литовскій порядокъ вещей, столь заманчивый для высшей польской шляхты, не могъ оставаться безъ подражанія. Шляхта эта потянулась за литовскою аристократіею. Польскій историческій строй шляхетства разстроивался еще болѣе. Партіи и смуты усиливались и въ Польшѣ по образцу Литвы. Портился природный историческій польскій шляхтичъ. Литва помогала этой порчѣ и съ другой стороны.

Мы знаемъ, что литовское боярство, значительно зависѣвшее отъ своей аристократіи притянуто, было Польшей къ равенству съ ней. Но это было мечтательное, а не дѣйствительное равенство. Литовская аристократія стояла надъ нимъ слишкомъ высоко, а послѣ люблинской уніи стала еще выше. Благодаря этому, литовское шляхетство развило въ себѣ два позорныя и гибельныя свойства—дѣйствительное раболѣпіе передъ аристократіей и непомѣрныя, мечтательныя притязанія. Неизбѣжное при этомъ недовольство своимъ положеніемъ заражало польскую шляхту и породило тѣ конфедераціи, смуты, которыя поражаютъ такимъ множествомъ послѣ люблинской уніи.

Но что всего важнѣе, люблинская унія совершенно оторвала литовскую и даже польскую аристократію и шляхту отъ народа. Всѣ они одна за другой понеслись вверхъ къ неисчислимымъ преимуществамъ и притязаніямъ, а народъ оставили за собой,—онъ очутился слишкомъ низко къ нимъ, они его еще больше толкнули и повергли въ безвыходное рабство, въ которомъ жизнь хлопа цѣнилось такъ низко, какъ нигдѣ не цѣнится жизнь негра.

Этому неизмѣримому злу въ особенности благопріятство-

вало слѣдующее обстоятельство: извѣстно, что положеніе безправнаго сословія особенно тяжело бываетъ, если надъ нимъ стоитъ иноплеменное или инородное полноправное сословіе. Оно тогда удвоивается различіемъ національнымъ и превращается въ безправность народную. Люблинская унія выработала эту народную западно-русскую холопскую безправность тѣмъ, что отворила навстежь двери въ Литву всѣмъ полякамъ, которые совсѣмъ иначе взглянули на иноплеменнаго русскаго хлопа, чѣмъ смотрѣли на родича—польскаго хлопа. Но вершина всего зла соединенія Литвы съ Польшей — латинство, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не говорили, чтобы не разбрасывать частей этой многосложной, и до сихъ поръ, мудреной машины.

До перваго соединенія Литвы съ Польшей вѣра въ Литвѣ была дѣломъ совѣсти, а не интересомъ государственнымъ и предметомъ выгодъ. Ягелло первый измѣнилъ это великое начало жизни литовской и далъ вѣрѣ значеніе государственное, которое, встрѣтившись съ свойственнымъ латинству фанатизмомъ, повело къ жестокимъ насиліямъ и преслѣдованіямъ русскаго православнаго народа. Впрочемъ, до люблинской уніи система эта не могла развернуться на большемъ пространствѣ мѣста и времени. Литва закрыта была передъ Польшей. Латинскую іерархію въ Литвѣ наполняли большею частію мѣстные литовскіе жители, связанные съ народомъ единствомъ національнымъ, преданіями и часто общею ненавистію къ Польшѣ. Всякое движеніе польскаго латинскаго фанатизма ослаблялось, ударившись въ эту преграду. Люблинская унія уничтожила эту преграду. Послѣ нее въ Литву поступали патеры - поляки съ тройнымъ оружіемъ противъ бѣднаго народа — съ оружіемъ религіознаго деспотизма, національнаго различія и шляхетскаго властолюбія. Насиліе религіозное могло вырабатываться въ стройную, постоянно дѣйствующую теорію. Явились не-

2.

»Богъ да наградитъ васъ за ваши добрыя строки! Многое въ нихъ пришлось очень кстати моей душѣ. Со многимъ я уже согласился еще прежде, чѣмъ пришло ваше письмо. Напримѣръ, на счетъ того, чтобы не оправдываться предъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь судить насъ будетъ Богъ, а не міръ. Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія; но, во всякомъ случаѣ, разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіи долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно* и *душевно*. А, покуда, съѣзжу въ Іерусалимъ, помолюсь у Гроба Господня, какъ только въ силахъ помолиться. Помолитесь обо мнѣ, добрая душа, чтобы я въ силахъ былъ тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проходили божественныя стопы единороднаго Сына Его, сказало бы мнѣ серде мое все, чтó мнѣ нужно. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы со дня этого поклоненія моего понесъ бы я повсюду образъ Христа въ сердцѣ моемъ, имѣя ежеминутно его предъ мысленными глазами своими. Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и сословіи: его можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, недаромъ и не на то, чтобы обратить его во злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, Богъ, а не кто другой, виновникъ этой склонности. Вольно было живописцу, на мѣсто того, чтобы изображать кистью предметы высокіе, образа угодниковъ Божіихъ и высшихъ людей, писать соблазнительныя сцены развратныхъ увеселеній и униженія человѣческаго. Развѣ не можетъ и писатель въ занимательной повѣсти изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели,—представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ? Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлать(ся) добрымъ и угодить жизнью своей сколько-нибудь Богу. Я бы не подумалъ о писательствѣ, еслибы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и

